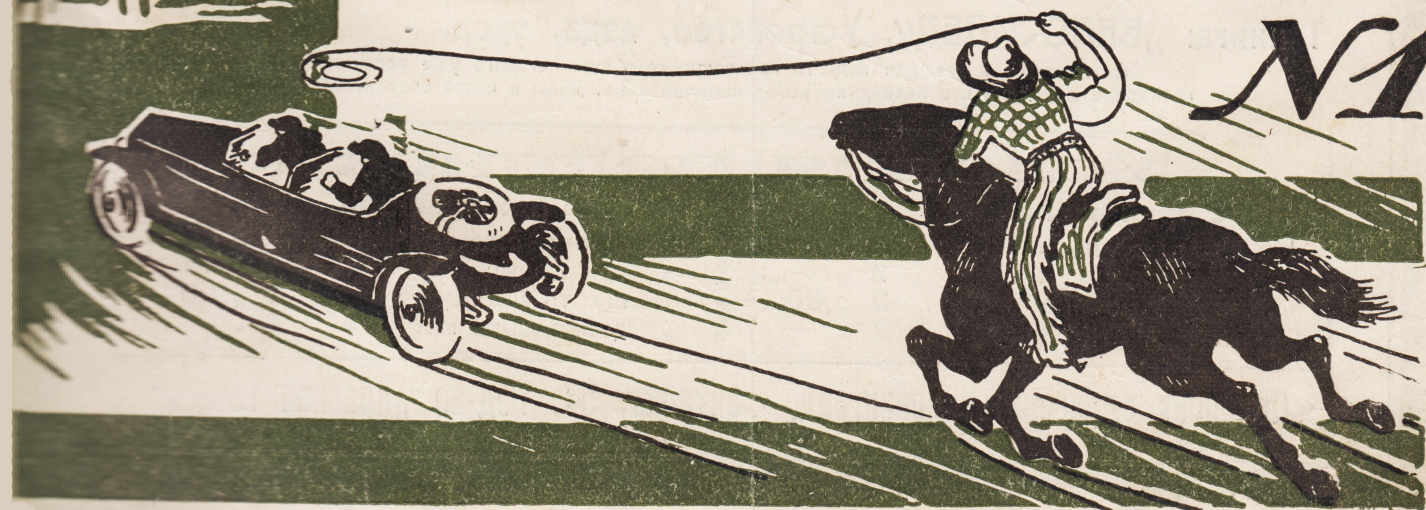

№15

№15

Цена 20 коп.

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	
- 3 поездки: **КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ** (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

- 6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.
(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).
- 2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.
(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).
- 4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.
(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).
- 1 книга: Ж. Тудуз «ПОХИТИТЕЛЬ ГОЛЬФШТРЕМА».
(Увлекательный роман, описывающий состояние земли после умышленно вызванного изменения течения Гольфштрема).
- 1 книга: А. Тиаден ТРЕСТ „АТЛАНТИДА“.
(Война Европы и Америки из-за поднявшейся из глубины океана Атлантиды).
- 1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.
К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).
- 1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.
(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).
- 1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.
(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:			Без приложений:		
На один месяц	— р.	— к.	На один месяц	— р.	40 к.
„ три месяца	2	— „	„ три месяца	1	10 „
„ шесть месяцев	3	80 „	„ шесть месяцев	2	20 „
„ двенадцать месяцев	7	— „	„ двенадцать месяцев	4	— „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев	30 рыболовных наборов (лески,
10 кошельков-портмоне.	поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
12 карманных часов.	100 перочинных ножей (с не-
12 футбольных мячей.	сколькими лезвиями).

3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: Ж. Тудуз «ПОХИТИТЕЛЬ ГОЛЬФШТРЕМА».

(Увлекательный роман, описывающий состояние земли после умышленно вызванного изменения течения Гольфштрема).

1 книга: А. Тиаден ТРЕСТ „АТЛАНТИДА“.

(Война Европы и Америки из-за поднявшейся из глубины океана Атлантиды).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:

На один месяц	— р. — к.
„ три месяца	2 „ — „
„ шесть месяцев	3 „ 80 „
„ двенадцать месяцев	7 „ — „

Без приложений

На один месяц	р. 40 к.
„ три месяца	1 „ 10 „
„ шесть месяцев	2 „ 20 „
„ двенадцать месяцев	4 „ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА

Лер. Фонтанна, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 15

1927 г.
АВГУСТ
15

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: Анатолий. „Убийство на Левом Банке“. — Дж. Феликс. „Лев“ — Я. Свикток. „Хочные барабаны“. — Евг. Юкон. „Белая дама“. — Лесник. „В перелесках“. — Т. Дюпперок. „Забава на воде“. — Я. Перельман. „Путешествие Тулливера“ и др.

БОЙ БЫКОВ

Это одно из старинных общественных увеселений в Испании. Ежегодно, в летнюю пору, бой быков устраивается почти повсеместно, но особенной пышностью отличается в Севилье, где для этого зрелища устроен особый цирк на 20.000 зрителей.

Сначала все участники боя проходят перед зрителями по арене. Впереди, на тощих, дряхлых и обреченных на смерть конях, едут пикадоры, вооруженные пиками; далее следуют чулосы, в красных мантиях и с пестрым шарфом в руках; за ними шествуют бандерильеросы, держа в руках обвитые лентами и снабженные крючками палочки; наконец, появляется и главный боец, тореадор или эспада, в расшитом золотом костюме, со шпагой в правой руке, а в левой с мулетой (палочкой с куском красной материи).

Когда на арене появляется бык, его начинают раздражать пикадоры уколами своей пики в шею; если бык смертельно ранит лошадь, пикадор спасается бегством, так как в это время чулосы ловким движением своей мантии и набрасыванием на голову быка шарфа заставляют его бросаться на них. Когда бык утомится, появляются бандерильеросы и вонзают в его тело свои крючковатые бандерильи, одновременно зажигая укрепленные на конце палочек пегарды. Боль и оглушающий треск заставляют быка яростно метаться по арене; тогда-то и выступает эспада, чтобы нанести быку последний удар. Левою рукою он размахивает куском красной материи усвоей мулеты, а правой вонзает в грудь шпагу.

Самое горячее участие принимают в схватке зрители; они кричат, вопят и рукоплещут даже удачливому быку, сами попадая под власть не только животных, но прямо зверских инстинктов.

ПОМЕНЬШЕ КРОВИ!

За последнее время в той же Испании все чаще стали раздаваться негодующие голоса на лишнее кровопролитие. Вместе с замученным и напоследок убитым быком всегда утаскивают с арены и несколько смертельно им раненых лошадей, которые долго лежат в судорожных корчах до самого конца всего боя. Хлещущие потоки крови, вываливающиеся кишки и прочие «прелести» раненых лошадей, заставили, наконец, придумать и для этих невольных участников боя защитные приспособления. Изображенные на нашем рисунке своеобразные щиты из толстой кожи и предохраняют лошадей от губительных ударов бычьих рогов во время этого самого по себе дикого зрелища.

АНАТОЛИЙ. Быль недавнего прошлого. Рисунки ЮРГЕНС.

ЧАСТЬ I.

Теперь, когда я сижу за своим письменным столом, и моя старая металлическая лампа разбрасывает из-под зеленого колпака небольшой круг уютного света, в моей памяти возникают жуткие картины моих скитаний по Югу, в которых я провел лето эпического 18-го года.

У меня и теперь еще не исчезли окончательно, хотя уже потеряли первоначальную остроту, воспоминания о драме на Левом Банке. Первое же время эти воспоминания были настолько мучительно яки, что я, как маниак, почти непрерывно был под их властью.

... Во мне живет инстинкт бродяги. Порой он еле-еле дает о себе знать, порой вырастает до такой степени, что я порываю все нити, которыми прикрепил было себя к месту «оседлости», и двигаюсь в путь. Снаряжение в путь — это для меня символ пробуждения, символ воскресения от зимней спячки, мираж большого фрегата, надувшего паруса и дрожащего, и рвущегося с якорной цепи в далекое море, навстречу ветрам и волнам.

Я отправился на Волгу и видел этот паралич жизни 1918-го года. Мимо меня бесшумно проносились мертвые остатки фабрик и заводов, усеявшие своими кирпичными остовами с громадными угасшими трубами обе стороны Волги. Одинокó скользил наш пароход. Редко-редко попадался нам встречный — пассажирский. Не было больших наливных барж с нефтью, не было ни длинных белян, ни рыбацких шкун.

Из Астрахани я добрался до Черного моря, пробыл в Туапсе около двух недель, но, когда стали угрожать отряды Грузинского Национального Комитета, то собрал свои пожитки и в один прекрасный день распрощался и с морем и с солнцем. Но вернуться на Волгу было уже не так просто. Восставшие казаки перерезали дорогу у Прохладной. Приходилось искать других путей, и я двинулся через степной Кавказ на Моздок.

Ехать пришлось верст девяносто. Ночевал в довольно большом селении, состоящем из нескольких сот мазанок, слепленных из кизяка, камыша и глины и чисто обмазанных мелом.

У каждого дома на пыльном дворе, лишенном всяких признаков растительности, торчит сложенная из кизяка же русская печь. Здесь дожди и пасмурная погода бывают так редко, что жители устроили свои

кухни на открытом воздухе. Тут же уныло бродят несколько пар овец — ищут тени.

Таков вид всех селений — «мужицких», армянских и казачьих, редко раскрапленных по этой душной, голой, безотрадной степи.

В Моздок я дотащился часам к двум дня. На станции расхаживали и собирались в кучки казаки в своих белых и коричневых осетинских шляпах-грибах, сваленных из овечьей шерсти, осетинских же бешметах и при кинжалах и винтовках.

Здесь уже власть восставшего казачества. Здесь уместно ругать красноармейцев, как уместно было ругать казаков в Георгиевске, и слово «товарищ» вызывает подозрительный взгляд. На станции расклеены бюллетени местного комитета, призывающие к строительству и беспощадной борьбе с большевизмом. Однако, настроение у казаков сдержанное. «Расстреляем патроны против своих же, а потом ингуши возьмут нас голыми» — слышались опасения.

Хотя Моздок у казаков, а Кизляр у большевиков, все же в силу какого-то взаимного соглашения поезда на Кизляр отправляются. И вот мы снова в вагоне, снова мелькают телеграфные столбы и железнодорожные сторожки — все без исключения разгромленные ингушами.

Я смотрю из окна на эти картины разрушения, и вспоминаются пушкинские времена и пушкинские строки:

Не спи, казак, во тьме ночной,
Чеченец ходит за рекой

Или фантазия заносит еще дальше и кажется, что вот поезд несется по диким прериям Америки старого времени, времени романов Густава Эмара, а за кустом притаился жестокий краснокожий. В самом деле: чем дореволюционный ингуш не индеец, и чем русский поселенец на американский гациендер, а Моздокская степь не американские прерии со своим Канзасом — Терекон?

До Кизляра нам добраться не было суждено. Наш поезд задержали в тридцати верстах от него.

Ну, что ж? Нас этим не удивишь. И путники, и жители ближайшей станции, быстро освоились с изменившимися обстоятельствами. Появились тачанки, стали заключаться сделки. Часть пассажиров осталась на станции ждать конца событий, часть подрядилась с возчиками ехать проселками на Кизляр, часть, в том числе и я, нанимали тачанки на рыбацьи селения, лежащие на Каспийском море.

Рано утром следующего дня мы двинулись в путь на лошадях, по выжженной солнцем безводной степи-пустыне.

Наша цель — рыбацки селения на побережье Каспийского моря. Это побережье очень низменно. Степь постепенно переходит в совершенно голые солончаки, в давнопрошедшие времена бывшие дном моря и потому пропитанные солью. За солончаками начинаются непроходимые заросли сначала сухого, а потом болотного камыша, которым покрыта широкая прибрежная полоса на много десятков верст в длину и верст на пятнадцать — двадцать в ширину. Эти пресные болота незаметно сливаются с морским болотом. Наконец, уж за морским болотом открывается море, в которое можно углубляться вброд на несколько верст.

Редкое рыбацкое селение может стоять у самого берега. Большинство из них подобралось в глубь страны и сообщается с морем через узкие извилистые каналы среди болот и камышей. Эти каналы называются «банками». По ним взбираются с моря и спускаются в него из селений «подчалки» — рыбацкие лодки, на которых рыбаки подчаливают к своим парусникам, остающимся в открытом море, так как пробираться по банку эти парусники уже не могут.

На один из таких банков — Левый Банк — и лежал наш путь. С него мы намеревались переправиться морем в Астрахань на рыбацком паруснике.

Наша компания состояла, кроме меня, из делегата Крестьянского банка в Тифлисе, из сестры милосердия, отвозившей увечных воинов в Пятигорск и теперь возвращавшейся в Астрахань, барышни ехавшей в Тверскую губернию к родителям, мещанина средней руки из Кимр и, наконец, красного офицера-армянина совсем юного, ехавшего в Астрахань к своей «мамаше».

Мои несчастные спутники! Случай столкнул меня с вами для того, чтобы я был одним из действующих лиц вашей ужасной трагедии — вашего последнего дня жизни. И я, живущий, связан с вами, мертвыми, связан невидимыми нитями того ужаса, который был концом вашего бытия.

Мы ехали так обыденно и так просто болтали всякий вздор, шутили, немного спорили, говорили о скором конце наших скитаний: Астрахань близка. Ночевали в одном из селений, так похожих здесь друг на

друга. Те же мазанки, те же кривые улочки, та же пыль на дорогах.

Ночь спустилась быстро. Но мы еще не намеревались отправиться спать. Хозяйка хаты хлопотала около жарко разведенного огня: она поджаривала бараний окорок. Принесли красного вина — здесь везде его вдоволь. Заварили чай. На столе горы белого хлеба, яйца, овечий сыр, молоко.

Вино нас подвеселило и долго сидели мы на терраске у хаты. Так было хорошо после душного дня, после дорожной пыли. Наконец, мы разбрелись — кто в хату, кто устроился под открытым небом, в нашем дорожном доме на тачанке.

Утром, когда мы стали собираться в дальнейший путь — нам оставалось проехать верст сорок до Левого Банка — армянин-офицер подошел к тачанке.

Мы уже взгромоздились на свои чемоданы и мешки и готовы были тронуться в дорогу. Последним как-то лениво взбирается на тачанку офицер.

— Знаете, — заявляет он вдруг и неумовимая тоскливая нотка звучит в его голосе, — мне страшно не хочется ехать дальше.

— То есть, как это не хочется? — изумляется делегат банка. — Уж не намерены ли вы оставаться здесь?

— Представьте себе — такое глупое настроение. Да, хоть возьми, да оставайся.

— Ну вот, вздор какой! — говорю я

ободрительно. — Ехали, ехали и у самого порога к дому поворачивать обратно. Забудьте свое настроение, да взбирайтесь. Сейчас тронемся.

Офицер мешкотно усаживается на тачанку и, кажется, вот-вот раздумает, соберет свои пожитки и расстанется с нами. Но рассудок берет верх над чувством: смешно же, в самом деле, прерывать путешествие в силу какого-то настроения. И мы двигаемся дальше. Все сидят молчаливые. Только армянин иногда наводит хандру своими рассказами об «астраханцах».

— Но какие же тут астраханцы с их разбойничьими привычками? — спрашиваю я. — Ведь Астрахань очень далеко отсюда.

— Ах, да ведь «астраханцами» здесь зовут грабителей и вообще всех разбойных жителей этого округа.

Знаете, мне не хочется ехать дальше.

Так вот откуда у армянина кислое настроение: он, как житель этих краев, наслушался рассказов о местных нравах и обычаях и теперь немного побаивается попасть в самую гущу «астраханцев», в их полную власть. Быть может его беспокойства и основательны?...

Тачанка мягко стучит по пустынной дороге. Вокруг безжизненные солончаки, томящиеся под утренним, но уже знойным солнцем. В воздухе духота, хотя мы и приближаемся к морю. Вообще климат здесь отвратительный. Даже местные жители жалуются на гнетущую духоту долгого бездождного лета.

Вдали показались ряды деревьев и строения большого села. Это последний населенный пункт на нашем пути. А дальше — двадцать пять верст глухой, одинокой дороги сначала среди пустыни, а потом в непроходимой чаще двухсаженных камышей.

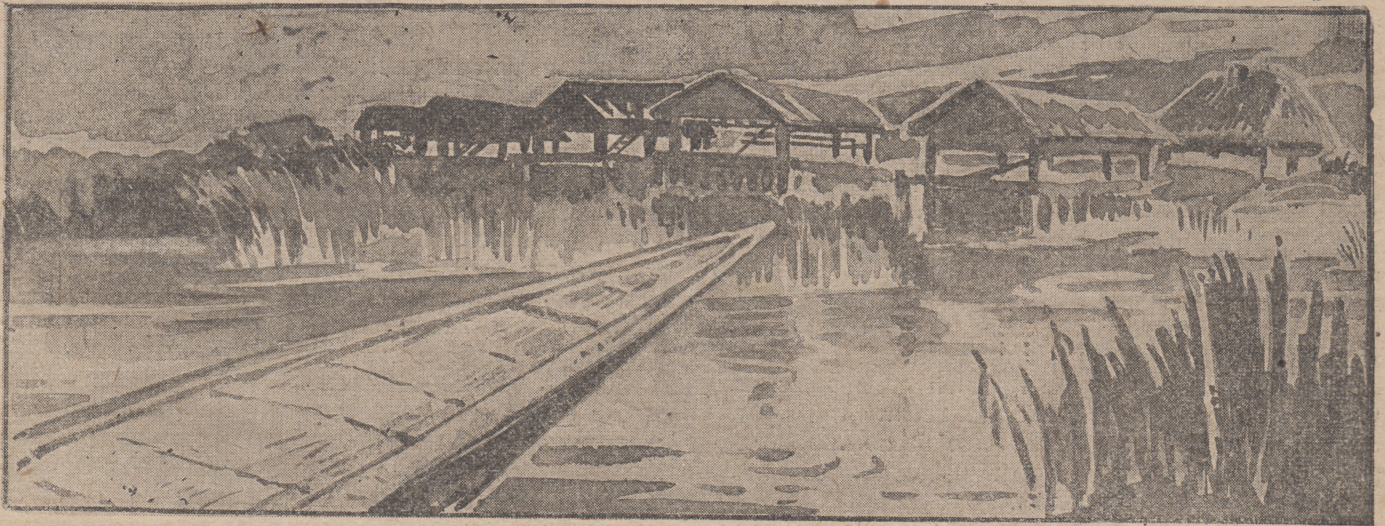
Въезжаем на широкую улицу. Село богатое — очень богатое. Это бросается сразу в глаза. Почти все дома деревянные, крепко сложенные, с резными украшениями у оконных рам и по навесам крыш. Деревянный

Странными кажутся мне речи жителей и еще более странными их лица. Красивые, резкие черты, в которых проглядывает энергия, выработанная их родовой профессией, и жестокость в их светлых, безжалостных глазах. Но все это глубоко скрыто под личиной повседневной жизни.

С настойчивым любопытством ощупывают они взглядами наш багаж: чемоданы, мешки и корзины. Спрашивают: откуда и куда мы едем? Торопят ехать на Левый Банк: — Сегодня у нас базар, приезжают с моря торговцы с мукой и сегодня же едут обратно. Вот вам и попутчики.

Лошади напились и мы тронулись в путь.

Опять над нами безрадостно-чистое небо и вокруг нас безрадостно-голая степь. А потом камыши. Высокие, сухие, непролазные камыши. Человек, забравшийся в эти заросли, удивительно похож на букашку, копошащуюся в высокой траве, с тою только разни-

Выстроился ряд открытых навесов.

дом — это явный признак богатства. Весь строевой лес идет сюда из средне- и даже верхневолжских губерний.

— А вот и Раздольное, — замечает возница. — Теперь часов через пять мы будем на месте.

— Богатые здесь селения! — подхватываю я. — А чем же здесь люди промышляют?

— Да так, — неохотно отвечает наш сумрачный мужик, — рыбу ловят!... Да еще провозят хлеб на Астрахань, — добавляет он помолчав. — Большие деньги берут. Потихоньку возят.

— Значит — контрабандой?

— Ну, да! Это теперь-то возят хлеб, а раньше возили разные товары из Персии, с Кавказа.

— Так значит — контрабандисты.

Бедовый народ. Выселились сюда полвека тому назад из России. Разные беглые, да просто мазурики. Прятались здесь, а теперь вот занимаются рыбным делом, да товар возят. Богатеи! И села-то зовутся: Раздольное, да Новоселки, да Тушиловка, да Черный Рынок.

Легкое беспокойное чувство пробегает по моим нервам. Почему? Странные ли названия сел вызвали его или сдержанный тон ответов возницы, как будто что-то недоговаривающего, будит досадки, или же вспомнилась, наконец, тревога армянина?

Среди села мы останавливаемся поить лошадей. Нашу тачанку обступают несколько «мужиков».

цей, что букашка может всползти на пушистую верхушку стебля, может расправить свои крылышки и улететь из этого непроходимого моря травы, человек же, заблудившийся в камыше, безнадежно опутан, облеплен зеленой паутиной, и не выбраться ему на вольный воздух, и не улететь. Он — как в могиле; в этой шуршащей, рыхлой, колышущейся тюрьме, высотой в две сажени, а площадью во много десятков верст.

Солнце стало клониться к западу, когда мы подъехали к Левому Банку. Это не селение, даже не хутор. На узком канале чередой стоит десяток рыбацких подчалков, крытых палубой, с каютой для владельца-рыбака и с мачтой для паруса высотой сажени в три. Он служит домом для рыбаков-контрабандистов, живущих здесь весь летний сезон.

По берегу банка выстроился ряд открытых навесов, укрепленных на сваях, предназначенных для сушки пойманной рыбы. В самом конце этого лагеря-поселка стоит небрежно слепленная из глины мазанка-кухня.

Весь этот лагерь рыбаков-контрабандистов со всех сторон окружают отчасти сухие, убитые солнцем камыши, отчасти болота, заросшие густой чащею свежих камышей.

И тут, с момента нашего прибытия на Левый Банк, последовательная нить моих воспоминаний обрывается. Все, что произошло дальше, представляется

мне раздробленными картинами нарастания какого-то нелепого бреда. Но этот бред развернулся не сразу. Сначала, помню, было только некоторое изумление, потом оно постепенно начало переходить в легкую подозрительность, подозрительность все более и более углублялась, укреплялась, а тонкая струйка нервного страха перешла, наконец, в ощущение острой жути, предчувствия какой-то неведомой, но очень близкой опасности.

Едва мы успели снять с тачанки свой багаж, ко мне подскочил один из здешних рыбаков. Он нетвердо стоял на ногах и лицо его покраснелось от вина. Рыжеватая борода покрыла спуганным войлоком его рябое, широкое лицо.

— Чего вас сюда несет? — набросился он на меня, выкрикивая слова заплетаящимся голосом. — Мало вам других путей, што ли? И без вас дела хватит. Ну, чего вы сюда приехали?

Я опешил было от такого неожиданного приема.

— Как зачем? Мы едем в Астрахань.

— Да как вы поедете-то? Лодки-то попутчиков ушли сегодня утром, и теперь пойдут через неделю. Укладывайтесь обратно на тачанки и поезжайте назад, откуда приехали!

— Да ты, брат, чего мне голову-то морочишь? — рассердился я не на шутку. — Или хочешь цену нагнуть на свой парусник, что запугиваешь нас неделей задержки? Ехать назад! Тащились, тащились сюда, и вдруг — из-тебе!

— Морочу голову? Ну, погоди же, придешь попросить у меня водицы, так припомнишь.

Угроза была серьезной. Пресной воды здесь нет, и рыбаки достают ее за несколько верст.

Между тем нас окружили еще несколько молодых. Выпившего рыбака прогнали, а нас заботливо стали размещать под навесом.

Здесь же расположились армяне-спекулянты, везшие муку в Астрахань и приехавшие сюда перед нами. Они устроили из мешков — их было около двадцати — нечто вроде траншеи и теперь растивали вино, купленное у рыбаков.

— Спекулянт для контрабандиста — хорошая добыча, — подумалось мне, — и не будь здесь нас, кто знает, как распорядились бы рыбаки с армянами?

Вечереет. Наша компания надумала пить чай. Только вот как с водой: говорят, достать ее нелегко, а рыбаки свою дают неохотно.

Но сестра схлопотала. Рыбаки оказались очень любезными людьми. Они сами притащили большой котел с водой, научили нас, как пристроить его над костром, и через десять минут яркое пламя пылающей камышевой соломы (дров здесь нет) лизало дно нашего черномазого «самовара».

Чай пился неохотно. Вода с каким-то привкусом — вероятно от котла. Солнце закатилось и сумерки начали быстро сгущаться. Мои спутники нарезали камышей и разбрасывали по земле, чтобы удобнее устроиться на ночь.

К нам кто-то подходит. Лица его не рассмотреть во тьме. Он стоит перед нами темным силуэтом, но по голосу я узнаю одного из наиболее любезных рыбаков — Распутину.

— Эх, и поедят же вас комары! У нас здесь их сила: болото близко, да камыши. Жалко мне вас: места живого не оставят. Да и спать не дадут. А то, вот, не хотите ли — у меня какота свободна. Человека два-три поместятся.

Конечно, наша компания принимает это милое предложение. Я сопровождаю их на подчалок, а когда они спустились в каюту и начали устраиваться, сажусь на палубе и люблюсь ночью.

Устроив своих постояльцев, Распутин идет к сложенному парусу и роется в нем.

— Митька, а где же ружье?

Около него появляется мальчишка лет тринадцати.

— Да здесь же оно, под парусом! — и Митька вытаскивает спрятанную в складках материи двухстволку.

— Распутин, парни просят еще дать им вина! — добавляет Митька. — Дать што ли?

— Дай!...

Распутин с ружьем останавливается против меня. Он кидает на меня любопытствующий взгляд, щелкает, раскрывая и закрывая затвор ружья.

— Охотитесь на уток? — спрашиваю я примирительно.

— Нет, на селезней!

И отошел. Но странный намек все звучит в моих ушах, и внутренний голос шепчет: «берегись ночи».

Я начинаю укладываться под навесом. Рядом со мной армяне: тоже устраиваются на ночь. Вдруг — опять он, опять Распутин.

— Я и вас устрою. Надо же схоронить как-нибудь от комаров! Васька, принеси-ка брезент, там у меня на палубе.

Как понять Распутину? То он собирается «стрелять селезней», то внимательно о нас заботится.

Васька приволок брезент. Им окружили армян вместе с их мукой, подоткнули даже со всех сторон, затащили как в коробку. Я же расположился на бурке; было неудобно и, может быть, неосторожно настаивать, чтобы и я устроился под брезентом. Наш лагерь погрузился в сон.

Сколько раз бывает — подозрительность ставит нас в смешное положение. Но все искупается, если хоть один раз мало обоснованная и, на первый взгляд, нелепая подозрительность спасает нас от смерти.

Помню, во мне шевелилось что-то подсознательное, и я долго не мог заснуть. Наконец и меня захватила дремота. Мысли стали мешаться и путаться в голове. Я засыпал. И как раз в этот момент какая-то тень тихо вынырнула из-за угла навеса и неслышно прошла мимо.

Вероятно кто-нибудь из армян тоже заметил ее.

— Ничего, ничего — свои! — пробормотал кто-то успокоительно и скрылся за другим углом.

«Свои? Какие-такие свои? И чего он успокаивает?» — мелькнуло у меня в голове. — Проследить разве, куда он пойдет? Ну, пустое! Так не хочется подыматься: только-что задремал... А все-таки, не лучше ли посмотреть?

Я колебался и совсем было отдался сладкой дремоте, но потом с усилием стряхнул сонливость и неслышно подобрался к углу, за которым скрылся ночной посетитель.

Он уже был шагах в пятнадцати от навеса, под которым расположились мы на ночевку и, сменив свою медленную походку человека, шатающегося бесцельно, быстро-быстро шагнул по направлению к одному из подчалков, с которого неслись пьяные песни и нестройный говор.

Еще ничего не случилось. Еще не было никаких поводов беспокоиться и тормошить других. Я побоялся оказаться в смешном положении, когда люди спросонок сбегутся на мой крик, и ни в чем неповинные рыбаки начнут злобно издеваться над моими фантазиями.

Рядом стоял другой навес. Он был на сваях и между землей и полом было полуаршинное пространство. Я залез туда.

— Устроюсь пока здесь. Отсюда видно всю дорогу и, если ничего не случится, просплю здесь до утра.

Между тем с шумливого подчалка сошел человек и быстро прошел мимо меня. Это был Распутин. Он

мную лазейку... Сажу... И слушаю... От берега банка меня отделяет всего каких-нибудь пятнадцать-двадцать сажень, а ночь, эта лунная глубокая ночь, так тиха, так бездвижна...

И вот, в чути ночной я слышу — кто-то опять взбегает по трапу-доске. Слышу яростный стук в дверь каюты, потом треск: вероятно взламывают дверь. Смутные, глухие голоса затворившихся в каюте сразу делаются явственными.

— Это чорт знает, что такое! Это нахальство! — слышится крик и сразу обрывается. Потом громкий,

Выбираюсь из подполья.

дошел до своего подчалка, где разместились часть нашей компании, и вот, я слышу — стучит в каюту. Оттуда раздаются неясные голоса. Не отворяют. Он настойчиво требует впустить.

— Вот тебе и на! В свою же каюту нет ходу!

Стукнул еще и еще раз. Злобно, требовательно. Потом быстро сошел на землю и побежал опять мимо меня к своим товарищам. Я вижу: что-то назревает. Выбираюсь из-подполья и, пока Распутин бежит к подчалку с пьяной ватагой, тенью, тенью увертываюсь все дальше мимо опрокинутой старой лодки, мимо мазанки-кухни к камышам.

Как на зло луна озаряет всю местность и мне приходится с отчаянной решимостью — все равно, ведь, пропадать — перебраться через полосу лунного света сажень в десять, отделяющую наш лагерь от камышей.

Однако, я успел во-время. Зарылся в высокую гущу камыша, замаскировал за собой, как мог, про-

истерический женский вопль — и тоже как будто тонет в какой-то пропасти.

И вот ночь сразу ожила. Раздается громкая четкая команда, ответные крики рыбаков. И все это — спешно деловито без лишних слов, веско, как удар топора.

Слышу, среди поднявшейся сумятицы выплывает тоскливо-трепещущий молящий звук.

— Пощадите!

Я сажу в своем убежище и не шелохнусь. Страха нет. Какое-то странное состояние: как будто со стороны наблюдаю за всем совершающимся и за собой. Но ясно сознаю, что это не сон, а дикая

ужасная явь. И потом — странно-равнодушная мысль: «Так вот, значит, как суждено мне окончить свою жизнь: от топора».

Я мало верю в возможность спасения. Разыщут. Ведь между мной и ими всего несколько сажень. И где же им и искать меня, как не в камышах? Потом только я узнал, что спрятался в «нелогичном» направлении. Мне почему-то казалось, что дорога в Новоселки пролегает именно здесь, у того места, где я нашел убежище. На самом же деле, эта дорога идет в противоположном направлении. Мое заблуждение спасло меня на этот раз.

Слышу: по дороге затахтели тачанки. Несколько тачанок. Остановились. Поднялась возня. Быть может складывали товар — муку и багаж, наследство после погубленных.

И вдруг...

— Одного нет!

Это хватились меня. Поднялась ругань. Потом преследователи рассыпались в камыши. Голоса мальчишек. Ищут. «Сейчас... Сейчас... Вот просунется голова меж камышей и злобный, яростный взгляд поймает меня...».

Я лихорадочно пробираюсь вперед.

Голоса то слышней, то тише. Ищут долго, упорно. И в самом деле — я единственный живой свидетель их работы, я — выходец с того света.

Чуть брежит свет загорающегося дня. Голоса в камышах стихли — отчаялись найти. Кажется, я получил отсрочку? На берегу слышны стук молотков и топоров. Я не знаю, что там делается. Только удары сыпятся лихорадочно быстро, спешат сделать свое дело до солнечного восхода, когда могут явиться посторонние. Все тише и тише. Вот один последний топор ударил несколько раз — и все смолкло, как будто ничего не было.

Я сижу в каких-нибудь двадцати саженьях от гнезда убийц. Солнце подымается все выше. Сидеть неподвижно и чего-то ждать — нет смысла. Надо пускаться в путь. И как нарочно, вокруг невозмутимая тишина. Камыши стоят, как застывшие. Но медлить нечего, да и невозможно, ведь со мной нет ни куска хлеба, ни капли воды.

И вот я, вершок за вершком начинаю пробираться. Каждый треск травы подо мной, заставляет меня на минуту неподвижно застывать. Могут услышать. И тогда — конец. Только бы отойти хоть на несколько десятков саженьей от стоянки рыбаков-убийц, только бы забраться в глубь камыша, где можно было бы пробираться вперед без опасения быть услышанным.

Во время невольных остановок я стараюсь наметить себе должное направление. В этом желтом море сухого камыша так просто заблудиться — и потом коонец: не взлезешь, ведь, на тонкий стебель, не вынырнешь из этой пучины и не окинешь взглядом поверх этих метелок, так близко и так далеко топорщащихся над землей!

Я должен идти на юг. Узкие листья камыша обращены большею частью к солнцу, т.-е. к югу же. Кроме того, моим путеводителем будет солнце. Шаг за шагом я углубляюсь в почти непроходимые заросли. Наконец, решаю, что отошел довольно далеко и, начинаю двигаться смелее. Сухой шорох и треск, с каждым моим шагом, с каждым легким движением...

Солнце высоко. Оно немилосердно припекает и я весь истекаю потом. Во рту пересохло, внутренний жар сжигает мне грудь. Но я иду безостановочно, раздвигая перед собою руками почти сплошную чашу. Мои руки исцарапаны и изрезаны краями листьев и стволами камыша. Кровь размазалась по пальцам и кистям рук и, смешиваясь с землей и пылью, превращается в липкую грязь. Рубашка-косоворотка разорвалась в нескольких местах и висит лохмотьями. Нещадно жалят комары. Но я иду, иду, я лихорадочно пробираюсь вперед. Надо спешить, спешить, пока не измучила и не истощила последних сил жажда, растущая с каждой минутой, с каждой каплей пота, льющегося ручьями по моему телу.

Я помню — в нескольких верстах от Левого Банка к самой дороге подходит болотная речка. Туда, туда!.. Я иду, как в бреду. Яростно, теперь уж без всякой осторожности, я далеко внедрился в камыши — рвусь вперед и вперед.

Иногда меня внезапно покидают силы и я полубессознательно падаю на землю и лежу десять-пятнадцать минут, жадно раскрыв рот, и как рыба, выброшенная на песок, ловлю хоть глоток свежего воздуха. Потом опять срываюсь с места.

Я давно уже решил свернуть на дорогу и, с риском попасть в лапы рыбаков, найти там хоть маленькую ямку застоявшейся болотной воды, кишачей жуками и личинками. Но выбраться я уж не могу. Я потерял направление и, в отчаянии, меняю его каждые десять минут. Я бьюсь в этих цепких зарослях, как зверь в клетке, как муха в паутине. Падаю, снова рвусь вперед, и снова падаю.

Я жадно прислушиваюсь и стараюсь уловить хоть какой-нибудь звук — стук тачанки, едущей по дороге, голос человека, хоть какой-нибудь признак близкого жилья. Напрасно! Ненарушима могильная тишина под яростными солнечными лучами.

(Окончание следует.)

Рассказ **ДЖОНА ФЕЛИПСА**.

Иллюстрации **М. Пашневич**.

— Дрессированный лев, говорите? Да! В кинематографе видели, с разбойника одежду стаскивал и героиню фильма спас. Пустяки все это! Вот я вам расскажу, так это действительно есть чему подивиться. Вы наверное знаете сухопарого Джиба, обожженного ветром и солнцем пустыни? Ну, да его все знают. Словом, этот самый Джиб, когда наступило лето, решил отдохнуть в горах, где прохлада, воздух и все прочее удовольствие. Все подходящие места ему были хорошо известны и он, захватив с собой нагруженную всякими припасами лошадь, отправился в путь.

Шел это он шел и, наконец, увидел самое можно сказать подходящее место. Тут тебе и холмы прямо от пустыни поднимаются, и ручеек журчит, и опять же сосны. Начал он тут оглядываться и вдруг видит: полянка, а на полянке костер огромный разложен, хоть быка жарь, а вокруг костра два парнишка прыгают с длинными палками. В огне кипит во-всю кофейник и пар из него, как из вулкана, валом валит. Джиб понял, конечно, что ребята стараются приготовить себе еду, да как то коряво это у них выходит. У одного из парнишек вокруг горла яркий платок замотан и волосы довольно длинные. Рукой он все лицо от жара защищал, а когда болтавшийся на конце палки маленький бифштекс в огонь свалился, то как всхлипнет, бросится на землю и ну рыдать. Второй бросил свою палку и давай его утешать.

— Уже вто-о-рой раз! — не переставая плакать, вылет, который с платком.

— Ну, ну, не плачь, плюнь милая Лу, не стоит! — успокаивал второй.

— Алло! — воскликнул Джиб — чего это вы ребятки расстроились?

Смотрят они на него, один будто улыбается, а второй, присмотревшись Джибу и видя, что второй-то с платком не «он», а «она». Подошел Джиб а он, всамделишный «он», так радостно ему руку протягивает и смеется.

— Я, — говорит, — Билль Траверт, разрешите представиться, а это миссис Траверт.

Оба такие свеженькие, розовенькие, не успели еще от солнца в пустыне загореть.

— Поесть бы чего? — предложил Джиб.

Как услышали они предложение Джиба, так и принялись хохотать.

— Мы, — говорят, и так стараемся, да ничего не выходит. Лагерем они первый раз расположились самостоятельно, а то все на автомобильных пунктах останавливались.

Джиб показал им как развести огонь между двух рядов камней, чтобы поменьше топлива уходило, да побольше жару было. Пока костер пылал, он успел воду вскипятить, а на оставшихся углях сковороду приспособил.

Молодые внимательно за ним следили, чтобы постичь хозяйственную премудрость.

Когда вся посуда была вымыта и убрана, Джиб милостиво разрешил им посидеть у небольшого костра. Болтали они прямо наперегонки. Едва Джиб смог слово вставить, чтоб узнать, по какому такому случаю они в пустыне

болтаются. Ну и выяснил, что в пустыню они впервые попали. А та, что с платком, вскочила и решительно так заявляет:

— Нам нужен горный лев!!!

— Ка-к-а-к-о-й? — заикаясь, переспросил Джиб.

— Г-о-о-р-ный! Понимаете, большой, калифорнийский, горный лев! — пояснила она.

— Видите-ли, — вмешался уже «он», — мы никому не хотели говорить, но вам расскажем. Лу и я недавно поженились, сейчас же справляем медовый месяц.

— И вы бы никогда не догадались сами! — игриво добавила Лу.

— Нет, — ответил Джиб, — никогда, если бы вы не спросили у вашего мужа, сколько ему кусков сахара в чай положить, и не забыли бы, что он пьет его со сливками. А льва-то бросьте, в хозяйстве он не так уж необходим. Вам бы лучше кошечку, маленькую, беленькую, рыженькую, или какую хотите.

— Да нет, лев нам не в хозяйство нужен, а для дела.

— Дела? Что же это вы хотите укротителями львов сделаться?

— Да нет, мы и не собираемся, — конфузясь продолжал Билль. — В нашем городе открылся зоологический сад и один из владельцев предложил выдать 200 долларов тому, кто доставит ему горного льва. А нам бы очень хотелось... то-есть, вернее, прямо необходимо, получить эти 200 долларов, — смущенно закончил Билль.

— Эти деньги нам нужны, чтоб сделать первый взнос за наш домик, — быстро зашебетала Лу. — Ах, если бы вы, дорогой, только видели, что это за прелесть! Маленькие, уютные комнатки, одна голубенькая, спальня розовенькая, ванная такая беленькая, а кухня... — восторженно взвизгнула Лу.

— Да ну, ладно, полно! Вы не очень того, а то еще набавят цену, — разумно посоветовал Джиб. — А чем вы хотите льва поймать? — обратился он к Биллю.

И повели они Джиба к своей телеге и показали ему клетку, в которую собирались льва посадить, а также капкан, которым его поймать хотели.

— Ну, — говорит им тут Джиб, — в этой клетке вы только одно чучело льва привезете, да и в ваш капкан он только для вашего удовольствия попадет.

Жаль ему было так ошарашить молодых, но лучше все же сказать правду.

Они вернулись к костру, где Джиб и объяснил им все, что сам знал о горных львах. Где и как они водятся, чем питаются, и как их ловить. Лучше всего загонять их собаками, потом либо убивать, либо накидывать лассо, а капканы ни к чему; лев сам всегда убивает свою жертву и на искусственную приманку не идет.

«Она» чуть не в слезы от таких объяснений, а он совсем голову повесил.

— Да погодите расстраиваться, — сжалился над ними Джиб. — Недалеко отсюда живет мой старый приятель, Виллет. Я дам вам к нему письмо. Когда-то я кое-что для него сделал, так он мне не откажет. У него есть специально натасканные на львов собаки. Он-то и поможет нам. Что вы скажете о моем плане?

— Великолепно! Отлично! — радостно завопили молодые.

— Ладно! Я уйду утром пораньше, а потом мы встретимся, да и обтяпаем это дело.

После вкусного завтрака Лу куда-то исчезла, а когда Джиб уже собирался уходить, к нему подошла смущенная Лу с огромным свертком, перевязанным толстыми веревками.

— Это вам! — сказала она, протягивая сверток Джибу.

— Мне? — удивленно спросил Джиб. — Что это?

— Палатка.

— Палатка? А зачем она мне, ведь я не странствующий цирк?

— Вы будете в ней спать. У вас ведь нет такой? А мы здесь пробудем недолго и, право, она нам не нужна.

Чтобы не обидеть молодую, Джиб от подарка не отказался. А нужна была ему эта палатка, как собаке пятая нога. Да и лишний груз для лошади. Все же он взял ее с таким видом, будто всю жизнь только и мечтал о такой палатке. Так они расстались, чтобы встретиться через четыре дня.

Джиб шел не торопясь за медленно трусившей и тяжело нагруженной лошадью, направляясь к месту, где должен был встретиться с охотниками. Лошадь, скользя копытами, с трудом взбиралась по скале. Джиб решил отдохнуть и помечтать. Скала, на которой устроился Джиб, почти отвесно поднималась вверх на десятки футов. Отсюда расстилались под ним сосновые леса, далеко уходившие в пустыню. Все ниже спускалось солнце, превратившееся в красный шар, а когда оно совсем исчезло, робко выглянула звезда, за ней вторая, третья, четвертая, десятая, двадцатая, пока все небо густо не покрылось мигающими и переливающимися всеми цветами звездами.

Разложил это Джиб свою походную кровать, укутался в одеяло и только собрался вдыхать в себя аромат сосен, но не успел даже вытнуть, как уснул мертвым сном. А проснулся он, когда яркое солнце светило ему прямо в глаза. И обозлился же он. Из-за позднего часа у него все намеченные дела выверком пошли. С горя решил он позавтракать, а потом такая на него лень напала, что и деваться некуда. Тут увидел он палатку, которую ему Лу подарила. Дай, думает, разверну, посмотрю, что за вещь такая. Не зря же я эту чертовщину чуть не всю дорогу на себе тащил. Разворотил это он ее, смотрит и удивляется. Чорт ее знает, и на палатку даже не походит совсем. Повертел, повертел Джиб подарок во все стороны, собрал все веревки вместе, да и завязал узлом. Пускай, думает, так лежит, лучше не спутается. Одна веревка длиннее всех из узла торчала. Сперва думал переделать, а потом плюнул, оставил так. Подошел он к самому краю скалы, сел и о чем-то хорошем задумался. Только это он на мечтания настроился, вдруг чувствует, кто-то его в спину, толк! Оглянулся Джиб, да со страху через голову перевернулся; сел на корточки, еще раз посмотрел и давай на четвереньках, как рак, назад пятиться. И кто бы, вы думали, его сзади толкнул? И не высказать... горный лев! Уставился этот зверюга на него, уши вверх поднял, а глаза желтые, удивленные. Джиб совсем растерялся, а лев как ни в чем не бывало подошел к нему и ласково так трется у ног. Джиб собрался было ближе к топору подбираться, да видит лев настроен миролюбиво и никакую борьбу затевать с ним не намерен. Чудно и непонятно! Либо это ручной лев, который устроил самовольную прогулку, потихоньку уйдя от своих хозяев, либо это очень еще молодой лев и в человеке врага еще не видит. А лев все более и более нежно трется около Джиба, ласкается так основательно, что Джибу для равновесия пришлось ему в загривок уцепиться. Пальцы нащупали на шее льва тоненькую полоску кожи, а на ней металлическую бляху. И на поверхности бляхи словно что-то написано. Хотелось, конечно, Джибу узнать, что там написано, да свое лицо к львиной морде не очень-то хочется придвигать. Конечно, он ласковый, а все-таки лев.

— Ах, ты миланка! — егосил Джиб, поглаживая зверя по спине. Лев выгнул спину и замурлыкал, как кошка. Что ты скажешь, и не верится, а факт!!! Тут совсем стемнело и Джиб решил устраиваться на ночь. Снял сапоги и под одеяло. Ну, думает, засну, а он как хочет. Не тут-то было. Подходит к нему лев и, не переставая мурлыкать, прямо лезет под одеяло. Но на походной кровати для двоих места мало, да и Джибу не очень-то улыбалось разделять свое ложе с хищником. А лев решил твердо и бесповоротно устраиваться на ночь вместе с Джибом, и, легонько упираясь в его тело головой, вытолкнул его, как зерно гороха из стручка. Джиб пытался еще устроиться на самом краешке, но спать со львом было жарко, да вдобавок он так немилосердно мурлыкал, пока не заснул, что

Джиб осторожно вылез из-под одеяла и пошел устраиваться в другое место. Вот и пригодился ему подарок Лу. Безнадежно осмотрев его, Джиб нырнул под него с головой и сладко заснул.

Встал Джиб рано утром, но лев уже разгуливал, а увидев Джиба, бросился к нему навстречу, стал ласкаться и лизать ему руки.

Джиб протянул руку и стал льва по голове гладить. Потом незаметно так рука с головы на шею соскользнула к ошейнику, за бляху ухватилась. Крупными, круглыми буквами на ней отчетливо красовалась надпись:

«Г Е Н Р И».

Солнце стояло уже высоко, когда Джиб принялся за приготовление завтрака. Около него вертелся Генри, невыносимо мешая работать. Каждое движение Джиба зверь считал явным желанием поиграть с ним, он ни на шаг не отставал, то и дело хватая за руки и одежду. Приставаниям Генри не было конца. Терпел Джиб только потому, что до смерти хотел доставить удовольствие своим молодым знакомым. А то прямо придушил бы его со злости.

Наконец, наступил и желанный день встречи с охотниками. Едó итти в условленное место, да как уйдешь? И оставить льва нельзя, и с собой взять невозможно. Думал, думал Джиб и решил. Взял это он палатку и захватил самую длинную веревку, сделал петлю и накиннул ее льву на грудь, а другими концами привязал к низенькому пню. Так, думает, будет лучше, и зверь не убежит, да и холст от ветра вздыматься не будет. Посмотрел Джиб на свою работу и тронулся в путь, довольный своей выдумкой. Только это он спустился, а Билль и Лу уже дожидаются его. Смотрит на них Джиб и видит, что какие-то они грустные.

— Здравствуйте, детки мои! Нелегкая-это штука льва поймать!

— Да, он нам и ни к чему, — мрачно говорит Билль.

— То-есть как это?

— Да вот, — говорит Лу, силясь улыбнуться, — сад-то зоологический сгорел!!!

— Не может быть, кто вам сказал?

— Мистер Виллет дал нам для вас газету, а Билль прочел в ней о пожаре.

— Так значит, Виллет решил, что его собаки не понадобятся?

— Совершенно верно! Он просил вам кланяться и сказать, что в любое время готов загнать для вас целое стадо львов.

— Эх ты, чорт, — думает Джиб, — чего же это я-то дурак с Генри-то с этим возился? Терпел от него, берег его окающего, мучился с паршивцем и все зря.

Жаль ему стало себя прямо до слез.

Наступила мучительная тишина. Сразу потерял был смысл жизни и тошно стало старому Джибу. В это время послышался какой-то странный шум, а за ним с самого верха скалы дождем посыпались мелкие камешки. Джиб и его молодые спутники подняли кверху головы. Высоко, почти у самого края скалы, какой-то странный, трудно определяемый из-за расстояния предмет, детел в воздухе и кружился вместе с ветром. Несколько секунд предмет казался застывшим в воздухе, затем раздался оглушительный вой и он начал плавно опускаться вниз. Чем больше он приближался к земле, тем неопределенные, издаваемые им звуки становились все громче и громче. Уже можно было различить в летевшем отдельные части, состоящие из чего-то большого белого и прикрепленного к нему извивающегося темно-красного комка.

— Что это? — с ужасом спросил Билль.

— Я боюсь! — судорожно прижимаясь к Джибу, прошептала Лу.

— Это Генри несет мне палатку! — с тяжелым вздохом пояснил Джиб.

— Билль! Билль! — взвизгнула Лу. — То, что привезено к белому, шевелится. Это живое... Я вижу, как оно извивается.

— Определенно! Да вдобавок еще орет. Что бы это могло быть?

— Кошка, Билль, кошка...

— Для кошки великовато. Может быть, собака?..

Джиб не принимал никакого участия в разгадывании летящего предмета, слишком хорошо ему знакомого. Ему было только больно и неприятно, что все его надежды рухнули. Он уныло молчал, предоставляя молодежи забавляться, позабыв о невзгоде.

— Смотрите, Билль, похоже на парашют! — спустя мгновение кричала маленькая Лу, уверенная в правильности своего вывода.

— Где-ж ты видела, моя милая, чтобы парашюты сами прыгали со скалы? — вразумительно отвечал Билль.

Наконец, наступил момент, когда можно было прекратить все эти споры. Огромный холст тихо опустился на землю, покрыв собой то, что Лу с трогательным легкомыслием приняла за кошку. Теперь мог выступить Джиб. Он спокойно и уверенно подошел к слабо шевелившемуся на земле холсту и с некоторой театральностью приподнял его. На земле, дрожа от страха, сидел Генри и оглядывался кругом полными ужаса глазами.

— Лев! — хором сказали Билль и Лу.

— Да, лев! — подтвердил Джиб. — Я поймал его, возился с ним несколько дней. Надоел он мне до чертиков, но я вспомнил, что вам нужен, и терпел.

Джиб подробно рассказал обо всем, что произошло с ним за эти несколько дней. Лу и Билль, понуря головы, с грустью слушали Джиба.

Приближался вечер. Усталые и разочарованные участники неудавшейся экспедиции снова сидели перед разложенным Джибом костром. Джиб развернул газету и со вздохом прочитал сообщение о сгоревшем зоологическом саде. Внезапно его внимание было привлечено черной рамкой, окаймлявшей текст в правом углу газеты. Джиб внимательно прочитал

написанное и громкий крик радости вырвался из его груди. Вот что было написано в газете:

Пропал ручной горный лев. Два фута высоты, около четырех футов длины. Окраска темно-красная. На животе светлые пятна. Вокруг шеи кожаный ремень с бляхой. На бляхе надпись «Генри». Животное доброе и привязчивое. 500 долларов тому, кто доставит животное в хорошем виде. Обращаться к агенту кинематографического общества в Сан-Беринио.

— Ну вот, ребята! — широко улыбаясь, сказал Джиб. — И пригодился мой лев. Недаром я его берю.

Лу и Билль поздравляли его и искренне жали ему руки.

— Теперь, дети мои, разрешите мне сделать вам свадебный подарок. Мне эти деньги не нужны. Я как жил, так и проживу дальше, а вы начинаете новую жизнь и вам кое-чем обзавестись нужно. Волоките «Генри» к агенту, забирайте деньги и дело с концом.

Лу и Билль, потрясенные словами Джиба, с восторгом смотрели друг на друга и, казалось, от радости у них готовы были выпрыгнуть наружу

сердца. Ведь бывают в жизни моменты, когда не хватает слов, чтобы выразить чувства, переполняющие человеческую душу

КАРЛИКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА

Среди многочисленных миниатюрных государств в Европе, особенно расплодившихся после мировой войны, существует несколько государств-лилипутов, по своей территории не достигающих размеров площади Ленинграда.

Крупнейшее из них — княжество Лихтенштейн, расположенное в Альпах, на границе Австрии и Швейцарии. Это княжество, отделившееся в 1918 г. от Австрии с 8.500 земледельческого и скотоводческого населения, занимает территорию всего в 159 кв. километров. Большим преимуществом Лихтенштейна перед самыми крупными европейскими государствами является, во-первых, отсутствие государственного долга, а во-вторых, отсутствие армии.

В противоположность Лихтенштейну, маленькая республика Сан-Марино, лежащая неподалеку от города Римини в середине Италии, с земельной площадью в 61 кв. километр, содержит милиционную армию в 988 чел. На 12.000 населения — земледельцев и скотоводов — это несколько много.

Еще меньше пользующееся громкой известностью княжество Монако, знаменитое игорным притоном в Монте-Карло. Его территория только 22 кв. километра, но население 23.000. В большинстве случаев, это цветоводы, огородники или служащие бесчисленных отелей, гостиниц,

заполненных любителями легкой наживы и острых ощущений. Пользуясь крохами от дохода с казино, принадлежащего акционерному обществу банкиров, Монако позволяет себе роскошь содержать не только армию в 86 человек, но даже и князя, крупного ученого океанографа.

Наконец, «свободное государство Фиуме» — важный торговый и военно-стратегический порт в Адриатическом море, — стал самостоятельным государством с 50.000 населения на 20 кв. километрах его территории, когда его ближайшие соседи — Италия и Юго-Славия — не смогли сговориться о праве на него.

Это самое маленькое «государство», созданное после мировой войны.

Но существует в Европе республика, вся территория которой едва достигает 3 кв. километров. Это островок Вагогаро, лежащий в Средиземном море, неподалеку от Сардинии. Скалистый островок с рыбачьим и земледельческим населением стал самостоятельной государственной единицей в 1836 г. После смерти первого и последнего короля этого опереточного королевства в 1882 г., остров был объявлен республикой, сохранившейся и до наших дней.

В. Гросс.

НОЧНЫЕ БАРАБАНЫ

Рассказ А. Свинтона.

I.

Она внезапно проснулась, не отдавая себе отчета в том, что именно ее разбудило.

Стояла черная и душная африканская ночь. Сквозь не застекленное окно доносился тяжелый, смешанный с лесным дымом, запах тропических цветов. Странно почему, но ночные шорохи затихли. Ничто, кроме отдаленного дая шакалов, не нарушало тишины.

Вдруг она судорожно вздрогнула и, затаив дыхание, оперлась на локоты: как-то звук разорвал ночное молчание.

— Бум-ум!

Глухой и угрожающий, он трепетно раскатился по степи, словно чей-то непонятный голос:

— Бу-ум!

Она не решалась позвать своего брата, сказать ему, что ей страшно, но втайне надеялась, что странный звук разбудил и его.

— Бу-ум!

И в то же мгновение где-то высоко, в непроницаемой темноте соседней комнаты, в которую выходила ее спальня, вспыхнуло ослепительное сверкание, как от большого алмаза, и тотчас исчезло, отчего мрак, казалось, стал еще более глубоким.

У нее перехватило дыхание и по телу побежали струйки холода.

— Бу-ум!

И снова та же искра огненного глаза в темноте.

Потеряв всякое самообладание, кое-как набросив свое кимоно, она опрометью кинулась к комнате брата, но наступила на что-то мягкое: оно завизжало, задрогало и свалило ее с ног. В ответ на ее вопль ужаса раздался крик Юлиана «Иду!» и стук отворяемой двери.

Белый луч его электрического фонаря нашел ее лежащей навзничь, рядом с ее горничной — туземкой Меги, которая вечером улеглась спать поперек порога комнаты. Послышалось быстрое топанье босых ног по каменной веранде и появилась третья белая фигура — хозяйина дома, местного охотника за слоновой костью.

— Что случилось? — спросил он. — Вас напугал этот проклятый барабан?

Вспыхнувшая спичка осветила его высокую фигуру, почти задевавшую висячую лампу.

Юлиан подскочил к сестре на помощь, но она уже, шатаясь, поднялась и овладела собой.

— Все в порядке! — смущенно ответила она. — Я споткнулась о Мэри и потому вскрикнула.

— Проклятый барабан! Я выясню это утром.

— Разве... разве это был барабан? — недоверчиво спросила она.

— Да. Сигнальный барабан. Своего рода доисторический телеграф. Они сигнализируют большими барабанами и потом разговаривают на этих маленьких, в которые они постоянно бьют.

— Бу-ум!

Когда звук хрипло замер в пустоте, охотник поднял руку.

— Слушайте! Скоро мы услышим ответ.

Откуда-то издали, слабо, но отчетливо, наконец, прозвучало: «Ту-у-т!»

— Слышали? Теперь они начнут разговаривать.

Почти тотчас же, где-то совсем вблизи застучала отрывистая дробь маленького барабана.

— Интересно, а?

— Очень! — ответила она. — Но кроме звуков было еще что-то... какой-то свет. Он загорелся, когда забил барабан.

Ее глаза невольно обратились туда, где вспыхнула эта яркая искра и остановились на причудливом черном идоле в высокой стенной нише.

Мужчины проследили ее взгляд. Мартин тотчас же воскликнул:

— Боже мой! Разумеется! Вы должны были испугаться!

— Вы хотите сказать — кого?

— Да вон того старого Мулунгу. Это он всему виной... Давайте, выпьем чего-нибудь. Эй, бой!

Не получив ответа он, с размаху ударил в гонг. Вошел заспавшийся слуга-туземец. Отдав ему приказание, охотник обратился к своим гостям:

— Не удивляюсь тому, что вы перепугались. — Он показал на подмигивавшего сверху невидящим взором идола. Это было фантастическое искажение негритянской наружности, но безглазое. В середине его лба, вместо глаз, зияла одна пустая впадина.

— Его смастерил какой-то чертовски умный человек. Сверканье исходит из глаза. Там устроено хитроумное, подвешенное на проволоках, приспособление крошечных зеркал, собирающих самые незначительные лучи. Всякое колебание приводит их в движение и лучи собираются в центральную призму, что и создает это сверкание. Когда зеркальца неподвижны, блеска не бывает. Жуткий эффект, ха-ха-ха, не правда ли?

Внезапно его смех замер.

— Вы, конечно, слышали про Скайфа? — спокойно спросил он.

Брат и сестра недоумевающе посмотрели на него. Потом Юлиан словно вспомнил что-то.

— Вы, очевидно, имеете ввиду того парня, которого прозвали «Трибун Масаев»?

Мартин кивнул. — Да, это Скайф... он был моим другом. Это — его дом. Поселившись здесь, он охотился за слоновой костью. Он сумел завоевать доверие местных племен. В то время они были все объединены под властью старого короля Ванго, а потом, после его смерти, распались на два союза под предводительством сыновей Ванго: Ванго младшего и Динхили. Тотчас между ними началась война. Из-за Мулунгу. Он был их богом войны. Взаимная резня разгоралась все больше. Скайф всеми силами старался установить между ними мир. Ей богу, ведь он искренно полюбил этот темнокожий народ. Однако, его попытки остались безуспешными. Тогда, в один прекрасный

день, он говорит мне: «Проклятая междуусобица! Я намерен прекратить ее!» — выходит из дому и исчезает на целых два месяца...

Вот каков, вкратце, конец этой длинной истории. Однажды, вечером, как раз перед заходом солнца, он вернулся сюда с Ванго и Динхили, а позади их шло по тысяче воинов с каждой враждующей стороны. В руках он держал Мулунгу. Вошел без одного слова в комнату, убрал из ниши охотничий трофей и поместил вместо него идола. Я никогда не забуду этой ночи. Скайф с веранды держал к ним речь. Тут я впервые понял, почему у себя на родине, в Ирландии, он навлек на себя подозрение правительственных ищеек, которые преследовали его, как бунтовщика и члена гайного политического общества, так что он был вынужден скрыться от них на край света, т.е. в эту африканскую дыру. Признаться откровенно, он наговорил своим темнокожим слушателям столько нелепых для нас вещей о ненавистной жадности европейцев, об их намерении, воспользовавшись междуусобицей племени, отобрать у них часть земли и прочее, что если бы кто-нибудь из белых, кроме меня, услышал его речь, ему бы не поздоровилось. До этого случая я никогда не видал его взволнованным, а тут у него на глазах выступили слезы и голос то и дело дрожал и прерывался. В заключение он поручился им своим словом, что, пока он жив, Мулунгу останется в полной сохранности. Они слушали его как дети.

Кончив говорить, он поднял руку, как бы желая им благополучного пути домой. Тогда вся толпа поднялась на ноги и приветствовала его дружным кличем «Куум!», который до сих пор звучит у меня в ушах. Это было похоже на трубный глас в день страшного суда. Потом они все удалились с песнями. С тех пор в стране царит мир.

Мартин устало замолчал и устремил глаза в темноту ночи.

Дробь барабанов прекратилась и на степь снова налегло молчание.

Эллен некоторое время сидела молча, мысленно представляя себе эту потрясающую сцену возвращения Скайфа. Потом она спросила:

— Где же этот романтический м-р Скайф?

— Я крайне сожалею... — смутился Мартин.

— Но ведь он жив? Я убеждена в этом.

— Хорошо, слушайте! — порывисто, как бы решившись досказать все, начал Мартин. — Здесь жил прежде один человек, Джордж Бэрстоу, бывший товарищ по охоте Скайфа. Впоследствии он переменял это занятие на более выгодные торговые операции. У него была дочь, Вера. И вот, однажды, Скайф сообщил нам, что он женится на ней, как только она вернется из Ирландии. Старик отправил ее погостить к родным. Мы все были очень удивлены: Скайф считался завзятым холостяком. Правда, она была очаровательной девушкой. Проходит полгода и она возвращается обратно из Европы. Скайф выехал встречать ее на железнодорожную станцию. Подробности так и остались для всех неизвестными, но факт тот, что она приехала сюда в повозке Яна Ретейфа и старик Бэрстоу сам объявил всем, что она обручилась с этим голландцем. Ретейф и Скайф были исконными врагами. Тот всецело стоял за эксплоатацию туземцев, а Скайф горячо протесто-

Потом продолжал:

— В ночь после возвращения девушки Ян Ретейф был найден мертвым в этом кресле. Убит выстрелом в спину. С тех пор никто не видел Скайфа. Но я знаю, что он находится где-то там внутри... — он махнул рукой на запад, куда тянулась бесконечная африканская степь, а затем повернулся и показал на идола. — Никто, кроме Скайфа, не мог бы удержать здесь это чудовище. В тот день, когда какой-нибудь чернокожий воин украдет Мулунгу, я буду знать, что Скайф покинул страну.

— А это именно он и убил голландца? — с содроганием спросила Эллен.

— Кто знает?.. Я не могу поверить этому. И к тому же в спину. Но улики чертовски очевидны. И почему он скрылся? Вот уже пять лет прошло, как он испарился отсюда, точно дым, не сказавши ни слова мне, своему закадычному другу. Я то уж никогда не выдал бы его местопребывания полицейским властям. Надеюсь, что они никогда не нападут на его след.

После долгого молчания Юлиан протяжно заметил:

— Необычайный случай. Однако, тебе надо лечь и заснуть, сестренка. Ты больше не будешь бояться?

— Нет.

— Спокойной ночи! — он заботливо поцеловал ее.

II.

Когда Эллен снова проснулась, все еще было темно. Отыскав глазами окно, она вся замерла от страха. На фоне мерцающей сети звезд вырисовывалась, обрамленная оконной рамой, чья-то обнаженная фигура. Прежде чем Эллен успела крикнуть, теплая ладонь прикрыла ее рот, сильные руки плотно завернули ее в простыню, она почувствовала, как веревка стянула ее тело; между зубами ей всунули кляп и беспомощным свертком вынесли из бенгалу.

Ее похититель пустился бегом, неся ее на руках, как ребенка. Она изо всех сил пыталась вырваться, но веревка туго охватывала ее, а руки незнакомца были упруги, как сталь. Вскоре он остановился. Она смутно различила носилки и окружавшую их группу людей и слышала, как они переговаривались между собою на горланном наречии, укладывая ее внутрь носилок.

Последующие часы не принесли ничего нового: все тот же леденящий страх, поскрипывание носилок, топот босых ног и шелест травы, доходившей до колен ее носильщиков. Не раз она снова в ужасе старалась освободиться от своих пут и билась и трепетала в них, как пойманная дичь, но все ее усилия были напрасны.

Она не знала, как долго это продолжалось, но, наконец, через треугольное отверстие между неплотно сходящимися плетеными занавесями, она увидела побледнев-

И снова та же искра огненного глаза в темноте.

вал против этого. Поэтому, Ретейф во главе остальных плантаторов и Скайф, друживший с туземными племенами, открыто враждовали друг с другом. Скайф всячески старался защищать туземцев от притеснения Ретейфа и прочих владельцев плантаций. Мартин сделал длинную паузу и жадно втянул в себя неожиданную свежую струю воздуха, проникшую в комнату сквозь ветви огромного баобаба перед окном и наполнившую ее одуряющим ароматом

шее небо. Оно постепенно розовело и разгоралось. При свете дня она разглядела шагавшие около носилок ноги: мускулистые и стройные, кофейного цвета, с серебряными браслетами на лодыжках и хитросплетенной сеткой из конского волоса вокруг колен. Рядом с ними раскачивались конец копья и края пятнистого щита из воловьей шкуры. При виде их, мужество окончательно покинуло ее и она с отчаянным стоном замесалась из стороны в сторону. Раздался чей-то гортанный голос. Носильщики тотчас же остановились и опустили свою ношу на землю. Коричневые, звякавшие браслетами, руки раздвинули занавеси носилок, вынули у нее изо рта кляп и ослабили связывавшие ее веревки.

Во рту у нее пересохло, руки и ноги околели. С наслаждением расправив их, она поднялась на локте и освободилась от окутывавших ее покрывал. С усилием подняв кверху тростниковые занавеси, она накинута поверх своей ночной одежды простыню и вышла из носилок.

Кругом во все стороны простиралась степь, с черневшей вдаль, как крошечные точки, дичью и торчавшими тут и там на тусклом фоне яркими заплатами кустов мимозы. Носильщики, высокие, лоснившиеся на солнце коричневые туземцы, примостились на земле, под шестью носилок. Прямо перед ней стоял увешанный браслетами воин, величественный, широкоплечий богатырь, ростом в $6\frac{1}{2}$ футов, в великолепном плаще из обезьяньей кожи и с плюмажем из конского хвоста в волосах. Он заговорил и поднял руку в знак приветствия. Но она не знала туземного наречия. Потом она увидела Мэри, которая дрожа, стояла между двумя воинами. Великан что-то сказал и Мэри, всхлипывая, бросилась к Эллен и прижалась к ее ногам. Наконец, она обрела связность речи и пробормотала:

— Мисси не бояться. Хороший человек!

Стараясь не выказать страха, Эллен ответила:

— Скажи ему, чтобы он тотчас же доставил меня обратно!

Мэри с низким поклоном передала эти слова высокому вождю, но он вытянул свою мощную руку и, отрицательно качая головой, со смехом указал на носилки. Глаза Эллен гневно сверкнули и она толкнула на вождя своей босой ногой. Он шагнул к ней. В ужасе она повернулась и побежала. Двумя легкими прыжками он настиг ее, схватил и держал, пока другой туземец снова ее связывал. Ее положили обратно в носилки и путешествие продолжалось.

На третий день они переправились через широкую и быструю реку, после чего, изнеможенная от волнения, она крепко заснула.

III.

Носилки стояли на земле, когда она проснулась. Повернувшись, чтобы взглянуть наружу, она встретила глазами с серьезным взглядом узкого впалого лица в отверстии между занавесями.

Она вскрикнула, натягивая на себя покрывало.

Лицо тотчас же скрылось, но она успела рассмотреть, что оно принадлежало белому человеку. Закутавшись в простыню, она выбралась из носилок и очутилась перед большой белой палаткой. Вождь и какой-то белый человек стояли друг против друга. Оба были одинаково огромного роста, но незнакомец был уже в плечах и худощавее. Весь в белом. Потертые сапоги для верховой езды облекали его длинные ноги. Он снял шляпу и поклонился ей. У него был смущенный вид и в глазах светилось беспокойство.

— Случилась ужасная ошибка! — отрывисто произнес он низким голосом. — Прошу принять мое уверение в том, что вам не грозит никакой опасности.

Она почувствовала такое большое внутреннее облегчение, что даже не могла ничего ответить и молча стояла с дрожащими губами.

— Как только вы отдохнете, вы возвратитесь в Джинджу. А пока — располагайте моим лагерем, как вам будет угодно. Я... я! — он принялся тереть свою шляпу. — Я... вы... я переберусь в крааль. Пожалуйста, если вам что-нибудь понадобится, приходите за мной вашу туземку.

Он неловко поклонился ей, как провинившийся мальчик, затем повелительно сказал что-то ее конвою и отправился вниз, по склону холма, к туземному поселку, раскинувшись по берегу реки.

У нее внезапно закружилась голова. Протянув вперед руки, она, шатаясь, вошла в палатку и, упав в плетеное кресло, разразилась слезами и судорожным смехом. С широко раскрытыми от испуга глазами Мэри принялась растирать ее ноги. Припадок скоро прошел и, отерев заплаканные глаза, Эллен оглянулась кругом: покрытый циновками пол, накрытый на одного человека стол с блистающей

чистотой скатертью, другой стол с письменными принадлежностями, подвешенные к шесту палатки ружья, брошенное в углу седло и полка с книгами. Сплетенный из травы полотно, очевидно, вел в следующее помещение. Она поднялась и медленно откинула его. За ним обнаружилась походная кровать, покрытая красивыми меховыми шкурами, и маленький столик, на котором лежали бритва, щетки и хлыст для верховой езды. Там же стоял большой длинный чан из туземной меди. Рядом выстроились кувшины для воды. На всем лежал отпечаток уюта и необычного образа жизни обитателя этой палатки.

Мозг Эллен все еще был в каком-то оцепенении, но она с отрадой ощутила охватившее ее успокоение. Взглянув на себя в зеркало для бритья, она испуганно отшатнулась: ее волосы растрепались и свисали вниз беспорядочными прядями, лицо было испачкано и запылено, на плечах болталась, как шаль, загрязнившаяся и измятая простыня.

Вошла Мэри в сопровождении двух обнаженных коричневых девушек с кувшинами горячей воды. С наслаждением приняв горячую ванну, Эллен причесалась с помощью мужского гребня и щеток.

Длинный худой человек расхаживал взад и вперед по берегу реки, поодаль от крайней тростниковой хижины крааля. К нему подошла Мэри.

— Бвана, Мисси говорит приходить к ней.

Обменявшись с ней несколькими словами на туземном языке, он поспешно поднялся по холму.

В его полотняном хаки, который она ухитрилась кое-как приспособить на свою фигуру, в обернутой вокруг талии вместо юбки простыне, босая, она ждала его, прислонившись спиной к шесту палатки.

Она попыталась взглянуть ему в глаза, но невольно потупилась. Краска смущения залила ее щеки. Его лицо выражало искреннее отчаяние.

— Сейчас принесут пищу! — сказал он, чтобы прервать неловкое молчание. — Если вы тем временем напишете записку, я pošлю ее с самым быстроногим из здешних жителей, чтобы успокоить ваших друзей относительно вашей безопасности. Они получают это известие через 30 часов.

Она согласилась на его предложение молчаливым кивком головы и уселась за письменный стол, а он вышел из палатки. Вскоре она появилась у выхода и вручила ему записку. Он передал ее неподвижно поджидавшему, точно бронзовое изваяние, воину, который тотчас же пустился быстрым бегом в степь.

— Отдыхайте, прошу вас!... Пообедайте... Вы наверное проголодались. А потом ложитесь спать. Мы можем выступить в обратный путь на рассвете.

Он повернулся, чтобы уйти, но она протестующе подняла руку.

— Пожалуйста, м-р...

— Робинзон! — вставил он.

— М-р Робинзон, не уходите. Объясните мне...

Слуга туземец поставил на стол дымящуюся миску с едой и что-то проговорил. Робинзон обратился к Эллен:

— Ваше кушанье готово. После...

— Почему же вы не хотите остаться? Я вовсе не намерена всецело завладеть вашей палаткой. Ведь это ваш обед, не так ли? Не хотите ли... разделить его со мною?

Он долго колебался, закусив губы, потом взглянул на нее с улыбкой, странно согретой его лошадиное лицо.

— Я польщен. Уж очень давно мне не приходилось обедать в женском обществе. — По его приказанию слуга поставил второй прибор.

Оба некоторое время молчали — он от смущения, она — настолько обрадованная благополучной развязкой своего необычайного приключения, что все остальное даже ее чувство любопытства, было лишено для нее существенного значения. Она все еще с трудом могла убедить себя в том, что не во сне, а действительно наяву ее похитили ночью дикари и три дня несли по степи в носилках и что одетая в платье странного незнакомца гигантского роста, с лошадиным лицом, она обедала с ним в его палатке рядом с поселком дикарей.

Но обед оказался достаточно вкусным, чтобы убедить ее в реальности всего происходящего.

Когда им подали блюдо жареной дичи, она подняла на него глаза и повторила свой вопрос. Он молчаливо наложил доверху ее тарелку и заговорил, когда она уже почти справилась со своей едой.

— Я... я едва нахожу слова! — начал он. — Вы — Эллен Брей?

Она удивленно откинулась на спинку стула. Откуда он мог знать ее имя?

— Да.

— Я довольно регулярно получаю все новости... отсюда — объяснил он.

Он, видимо, решил побороть свое смущение и, глядя на нее с какой-то отвагой, продолжал:

— Я уже давно живу один в этой местности. Эти люди — мои друзья, пожалуй даже мои единственные друзья. Вождь, который доставил вас сюда — Ванго, сын покойного Ванго, короля Масаев, о племени которых вы, наверное, уже слышали. Ванго давно беспокоит то, что я... я не женат. Вы должны понять, что с точки зрения туземцев это — очень плачевное положение. Он неоднократно предлагал мне в жены красивейших девушек племени и, встречая мой неизменный отказ, решил, что я нахожу их недостаточно привлекательными. Как видите, мысль, что я предпочитаю жить один, просто не вмещается в его голове.

Он снова смутился и его бронзовое лицо зарделось. Он закладывал одну ногу на другую и снова снимал свои костлявые ноги и яростно перебирал пальцами край ска-терти. Наконец, с видимым усилием, он закончил:

— В нескольких словах, мисс Элен, все дело в том, что... что... Ванго узнал, что в стране появилась... очаровательная белая женщина и отправился выкрасть ее для

— Крайне необычная история, м-р Робинзон. Надеюсь, что вы строго взыщите с них за это?

— Он резко поднял голову.

— Нет, мисс Элен! Это было бы несправедливо. Помните, ведь они дикари и действовали с добрым намерением. Это была лишь попытка, правда, крайне неудачная, оказать мне дружескую услугу. Они вовсе не желали причинить вам зло. Я, конечно, объясню им, насколько они заблуждаются, но не может быть и речи о каком-либо наказании за этот поступок.

В его словах было столько достоинства и убежденности, что укор попал в цель. К своей досаде, она не сумела ничего возразить ему и еще больше покраснела. Но прежде чем она успела вновь принять свой надменный вид, на скате холма показалось все мужское население поселка под предводительством Ванго.

Толпа воинов издала мощный клич „Ку-ум!“

меня, надеясь услужить мне... Ужасно неприятное происшествие!... Не могу найти слов, чтобы выразить вам мое огорчение. Надеюсь, вы верите мне, что я не имел об этом ни малейшего представления, пока носилки не были принесены к моей палатке.

Слушая это невероятное, несвязное повествование, она вначале воспринимала его только с точки зрения своего собственного участия в нем. Но когда он кончил, ее внутренне рассердило его безразличное отношение к ней. Она была достаточно избалованной жизненным успехом особой. Этот длинный худой незнакомец, уныло сообщивший ей, что она была вручена ему в виде торжественного неожиданного подарка, привел ее в ярость. Она покраснела от возмущения и сказала ледяным голосом:

Это было величественное, живописное зрелище. Они быстро взбирались вверх, земля гудела от топота множества ног. Элен готова была обратиться в позорное бегство, когда они вдруг, в десяти ярдах от палатки остановились все, как один человек: празднично настроенная толпа высоких коричневых дикарей, с развевающимися

над головами страусовыми перьями, с кистями из конского хвоста, с овальными черно-белыми щитами и острыми ассе-гаями.

Впереди всех стоял Ванго, с царственным видом, в огромном головном уборе из белых страусовых перьев, в одеянии из шкуры леопарда. Он поднял руку и толпа воинов издала мощный клич:

— «Ку-ум!»

Громкое раскатистое эхо отдаленных холмов повторило это приветствие.

Захватенная величавым зрелищем, пораженная теми почестями, которые оказывали дикари Робинзону, Эллен смутно вспомнила, что она уже где-то, когда-то слышала о подобной дани уважения темнокожим белому человеку. Она напрягла свою память и вдруг в ее сознании выплыл рассказ охотника в Джиндже о переселении в нишу идола, злобеще сверкающий глаз которого так напугал ее... «Вся толпа поднялась на ноги и приветствовала его дружным кличем: «Ку-ум!»

Ее сердце учащенно забилося и, повернувшись к незнакомцу, она с напряженным интересом принялась его рассматривать.

Он сидел, заложив ногу на ногу и обхватив ее руками, и опустив голову на грудь, серьезно смотрел на колышавшуюся перед ним толпу воинов.

Ванго подошел к нему вплотную, преклонил колено и поднес ему рукоятку своего широкого сверкающего ассе-гая. Он, улыбаясь, прикоснулся к ассегаю и встал. Ванго также поднялся и на мгновение оба человека, белый и темнокожий, стояли рядом, каждый по своему великолепный и полный достоинства. Потом Ванго обернулся, ища глазами Эллен.

Колеблясь между бессильным гневом и ужасом своей догадки, она ответила ему холодным взглядом.

Тогда Робинзон положил руку на плечо Ванго, как бы удерживая его, и Эллен внезапно ясно поняла, кто он. Страшное открытие так испугало ее, что она вскочила и бросилась внутрь палатки...

Робинзон наблюдал, как Ванго и его подчиненные уходили обратно. На его губах блуждала нежная, мягкая и в то же время непреклонная улыбка. До его слуха донесся раскат отдаленного грома. Он резко обернулся и, подойдя к краю холма, впилился пытливыми глазами в небо.

Эллен полулежала, уткнувшись головой в кресло. Он вернулся к палатке и подошел к ней. Медленно, каким-то странно безразличным голосом он произнес:

— Мисс Эллен, у меня самые неблагоприятные новости. С востока надвигаются тяжелые дождевые тучи. Через четыре часа река выйдет из берегов и пока она не войдет обратно, нельзя будет перейти через брод.

По ее телу пробежал холодный страх, сменившийся взрывом слепого бешенства.

— Я ничуть не сомневаюсь, что вы найдете какой-нибудь способ продолжить ваше развлечение за мой счет! — воскликнула она. — Этого так и следовало ожидать от убийцы!

Его руки бессильно повисли. Он как-то съежился, и тотчас выпрямился во весь рост.

— Так и вы об этом слышали? — спросил он спокойно. — Да, я Брайан Скайф. Тем не менее, однако, вы с мною в такой же безопасности, как если бы вы находились с вашим братом. Повторяю, я не принимал никакого участия в том, что произошло с вами. Я к вашим услугам до тех пор, пока это приключение не будет ликвидировано. Пройдет несколько дней, пока мы сможем перейти реку. До того времени я оставляю мой лагерь в вашем распоряжении и буду жить с моими дикарями в их краях.

В тоне его голоса зазвучал тот же холодный укор, который она почувствовала уже раньше.

— Но вы называли меня убийцей, и прежде чем я уйду, я хочу, чтобы вы узнали всю правду. Вам следовало бы попридержать ваш язык, но раз вы не сумели этого сделать, вам придется не надолго примириться с моим присутствием и выслушать меня.

Он сурово взглянул на нее:

— Садитесь!

Ее гнев снова улегся и она покорно уселась. Он также сел и перегнулся к ней через стоявший между ними маленький столик. Она заметила, как побагровели его загорелые щеки.

— Убийца — гнусное слово, сударыня! Но бывают люди, без которых мир становится лучше... Закон далеко не всегда справедлив... Вам рассказали всю эту историю?

Она молча кивнула. И опять ей показалось, что она грезит, будто сидит одна с убийцей в сердце Африки и обсуждает с ним его преступление. Его голос вернул ее к ощущению действительности:

— Я любил ее, как только мог. Ретейф и я были старыми врагами. Мы рассорились с ним, когда он стал эксплоатировать туземцев, тайно спавая их виски.

В тот день, когда она вместе с Ретейфом вернулась из Европы, я потребовал у нее объяснений. Сначала она уклонялась, ссылаясь на то, что вполне поступать, как ей хочется, но я заставил ее быть откровенной.

Эллен подумала, что это было ему не трудно; она сама ощущала над собой власть этого человека.

— Она призналась мне, что у Ретейфа были документы, которые уличали ее отца в незаконной торговле ружьями, не компрометируя при этом самого Ретейфа, и что голландец воспользуется ими против ее отца, если она откажется выйти за него замуж. Торговля ружьями, по британским законам, наказывается пожизненным тюремным заключением. Бэрстоу был старым и дряхлым. А что еще хуже (для меня, конечно), она призналась, что не любит меня. Во время переезда из Европы в Африку, она познакомилась с одним юношей и хотела выйти замуж за него...

Поэтому, как видите, лучше, что Ян Ретейф умер. Бэрстоу живет спокойно. Вера обвенчалась с тем, кого она полюбила... А я, я живу в этой стране, с народом, который я люблю.

Он встал, с достоинством поклонился и вышел в сгущившуюся темноту. Затаив дыхание, она следила, как исчезал его высокий белый силуэт. Задумавшись, она долго сидела одна, не ощущая ни злости, ни страха. На нее нашло какое-то странное спокойствие, а перед своими глазами она все еще видела его глубоко серьезное, суровое, внимательное лицо и слышала его голос.

Раскаты грома становились громче. Слуга принес свет и, едва лишь его черные пятки скрылись из виду, ослепительный зигзаг молнии прорезал небо. Мощный удар грома разразился надпалаткой и ее сердце отчаянно забилося от неожиданности. Потом наступила полная тишина, пока, наконец, по парусине не зашелестели медленные тяжелые капли дождя. Они все учащались, шум ветра и дождя все возрастал и яростно налетала тропическая буря.

Лампа погасла. Эллен вскочила и закричала: Мэри! Мэри!

Буря свирепствовала во-сю. Ветер выл и стонал, капли дождя сыпались как пули на раздувшееся полотно палатки. Удары грома один за другим грохотали над ней, перемежаясь с ослепительными пучками молний, на мгновение погружавшими в яркий свет все окружающее. Между вспышками она в ужасе стояла, выпрямившись, как стрелка, крепко сжав руки и чувствуя себя бесконечно одинокой. Вдруг одна сторона палатки под напором ветра вогнулась внутрь и яростно заколыхалась. Эллен испугалась, что все это легкое сооружение будет сметено и унесено ураганом прочь.

Когда последний запас ее мужества стал приходить к концу, молния осветила длинную, облепленную комками грязи, фигуру Скайфа, боровшегося с дико развевавшимся полотном входной двери. В наступившей затем темноте она впилилась глазами в то место, где она его увидела, и невольно вскрикнула, когда его крепкие пальцы обхватили ее руку. Но этот крик был лишь выражением ее внутреннего напряжения, а не страха перед ним, потому что с его прикосновением к ней опять вернулось какое-то непонятное спокойствие.

Из-за шума не было никакой возможности разговаривать, но он продолжал держать ее за руку, пока, как это всегда бывает при тропических бурях, все внезапно не стихло.

Дождь отшумел и опавшее полотно растерзанной палатки устало шелестело. Он зажег спичку и, прикрывая ее рукой, подошел к письменному столу и зажег лампу.

— Я подумал, что буря может напугать вас и потому вернулся. Я позабочусь, чтобы укрепили палатку.

Он повернулся к выходу. Но когда он остановился, чтобы поднять входной полог, она позвала странным, сухим шепотом:

— М-р Скайф!

Он выпрямился и обернулся к ней

— Я крайне сожалею... Я... Если нам приходится ждать, пока спадет река, давайте будем так... как если бы я никогда не знала...

Он внимательно застыл на месте. При желтом свете лампы она казалась растерзанной и маленькой девочкой в его большой нескладной рубашке и с обвязанной вокруг талии простыней. Потом он наклонил голову:

— Я был бы очень счастлив...

Она протянула ему руку:

— Я, пожалуй, прилягу, я так устала... Спокойной ночи!

Он посмотрел на нее долгим взглядом, широко улыбнулся и кивнул головой. Но не взял ее руки.

— Спокойной ночи! — сказал он. — Завтра мы узнаем, высоко ли поднялась река.

Утром ее разбудила Мэри, принесла блюдо с фруктами; поверх них лежала записка. Она прочла:

— Я отправился осмотреть нижний брод. Бегун с вашей запиской перешел реку прежде, чем она разлилась.

Свиристель солнца давно уже успело высушить омываемый дождем свежесть вчерашней ночи и даже пунка (опахало) лад обеденным столом едва колебало знойный воздух...

После завтрака она занялась шитьем платья из свертка грубого полотна, который Мэри принесла ей по поручению Скайфа. Так прошло утро и снаружи, перед палаткой, послышался лошадиный топот.

Она вышла и увидела соскакивающего с лошади Скайфа.

— Войдите, пожалуйста! — сказала она.

— Надеюсь, вы хорошо провели остаток ночи?

— Спасибо, я превосходно выспалась.

— Наводнение невелико, через три дня, самое большее, брод станет проходимым. Я буду в краях, готовый к вашим услугам. — Он поклонился, намереваясь уйти.

Но она удержала его.

— Пожалуйста, мне не хочется, чтобы вы уходили.

Он снова улыбнулся ей своей серьезной улыбкой и, уже не выказывая больше желания скрыться, провел вместе с ней весь день и вечер. Он умел слушать и искусно заставил ее рассказывать о себе самой и об Англии, пока она не ощутила смутной досады, что он обращается с ней, как с ребенком. Но у нее не хватало духу рассердиться.

Так проходил день за днем. Она освоилась со своим

Насколько хватало глаз, простирались вдаль стены, джунгли, река, болота и озера, растворяясь на горизонте в пурпурный туман отдаленной цепи гор.

— Страна Масаев! — сказал он. — Сохраненная за ними по договору 1900 года. Есть люди, которые готовы украсть ее у них. — В его голосе зазвучала мрачная решимость. — Пока я жив, этого никогда не будет... Я хочу вас спросить, не слышали ли вы там чего-нибудь о незаконном попользовании аннексировать часть земли Масаев?

Она покачала головой. — Ничего!

Он повернулся к ней с внезапной страстностью. — Мисс Эллен! — его голос стал звучным и мощным. — Если вы верите в справедливость, передайте им там эту весть, не от меня, а от короля Ванго. Скажите им, что Масаи соблюдают мир, что Ванго сдержал данное им 15 лет тому назад Брайану Скайфу обещание, но что если хоть один акр его земли будет аннексирован, воспринимает старый бог и Масаи будут все, как один человек, сражаться за свою независимость...

Он горячо продолжал:

— В Джиндже находится то, что в случае притеснения белых может разжечь воинский пыл Масаев. Да, да, и племен Кикую, и Вахели, и Кавирондо, и даже Галла.

— Я знаю — Мулунгу, — вставила она.

Он поднял брови. — Вам знакома и эта история?

Она молчаливо кивнула.

Желтоволосый офицер направил на Сайфа свой револьвер.

— В таком случае, вы понимаете все, что это для меня означает.

Наступило неловкое молчание. После своего негодующего взрыва он снова замкнулся в себе и рассеянно смотрел вдаль. Чтобы прервать эту томительную паузу, она начала рассказывать ему о своем ночном приключении с сверкающим глазом Мулунгу, смеясь при воспоминании о своем страхе. Слушая ее, он тоже рассмеялся, но тотчас же нахмурился.

— Странно, как внезапно вспоминаются забытые подробности. Замечали ли вы это когда-нибудь? Мелкие, незначительные подробности. Мне уже давно не приходило на память глаз Мулунгу, а вот теперь вы напомнили мне... В ту ночь... в ту ночь, когда был убит Ретейф, выстрел заставил этот глаз вспыхнуть два раза... — Его голос понизился до шепота. — Я снова вижу перед собой все, как было... давно тому назад в моем бэнгалу в Джиндже... очень давно...

Его взгляд покоился на ней, но он не видел ее.

Широко раскрыв глаза, она наблюдала за ним, видя перед собой беглеца, вновь с ужасом переживающего свое преступление. Слово очнувшись и вспомнив о ее присутствии, он уловил на ее лице выражение отвращения. Его угрюмые черты исказились страданием. Вскочив с глухим стоном и опрокинув в своей поспешности стул, он скрылся в темноту.

необычайным положением. Спокойствие Скайфа казалось ненарушимым. Он всячески проявлял свое внимание к Эллен. Иногда он целыми часами рассказывал ей об этой стране и ее народе, обнаруживая обширный запас знаний и глубокую любовь к ним обоим.

На третий день вечером, когда они пили кофе под навесом палатки, прибежал туземец и сообщил что-то.

— Река вошла в берега! — перевел Скайф. — Завтра мы можем перейти ее.

Лицо его сохранило непроницаемое выражение. Эллен же ощутила в себе неожиданное волнение, в котором она не могла отдалить себе отчета.

Они долго сидели молча. Он, казалось, так глубоко задумался, что почти не замечал ее присутствия. Вдруг он обвел рукой широкую полосу расстилавшейся перед ним земли. Этот быстрый, энергичный жест странно противоречил его обычной невозмутимости.

На рассвете Мэри разбудила ее:

— Бвана говорит скоро итти.

Она встала, оделась и вышла из палатки. Скайфа не было видно. Она подумала, что рада этому, так как все еще не оправилась от ужасного впечатления заключительной сцены вчерашнего вечера. Однако, за завтраком она поймала себя на том, что невольно прислушивалась, не раздаются ли снаружи шаги обутых ног. Заслышав их, она вышла из палатки. На холме стояли носилки, а рядом с ними четверо стройных гигантов-носильщиков. Один из туземцев держал под уздцы лошадь Скайфа.

— Надеюсь, что для вас сейчас не слишком рано! — сказал Скайф. — Лучше пуститься в путь, пока прохладно, а в полдень расположиться лагерем на отдых.

Казалось таким естественным и желанным лежать в этих носилках, покачивающихся на обнаженных плечах носильщиков, в то время как Скайф ехал рядом с нею на резвом черном коне. Она полудремала в течение нескольких часов, пока его голос не вывел ее из этого состояния:

— Мы — у брода. Он еще довольно бурный. Но не бойтесь. Эти ребята знают, где лучше перейти.

Внезапно кто-то произнес: — М-р Скайф! Именем короля!

Ее сердце тревожно дрогнуло. По какому-то странному наитию она поняла, что должно будет произойти, и спрыгнула с носилок.

Желтоволосый офицер из отряда верховых жандармов направил на Скайфа свой револьвер, а за его спиной виднелись тупые физиономии четырех полицейских.

Скайф спокойно сидел в седле. Взглянув в его глаза, она почувствовала, как у нее судорожно сжалось горло. Он чуть-чуть улыбнулся:

— Удачная западня!

Жандарм покраснел под своим загаром. Очевидно, они знали друг друга. — Разнеслось известие... Они решили, что это должно быть вы... Я, право, отдал бы свою правую руку...

— Ничего, все как полагается, ничего... — он отмахнулся от смущенных протестов полицейского.

— Вы дадите мне, конечно, ваше слово, сэр! — Револьвер опустился.

— Нет. Вам придется держать меня. — Револьвер снова выпрямился.

— Пожалуйста, сэр.

— Нет.

— Крайне сожалею. Капрал Самба!

Скайф протянул руки и она услышала, как звякнули наручники.

IV.

Прошла неделя после ее возвращения. Ее странное приключение все еще служило темой всеобщих разговоров. Сидя вместе с братом в большой комнате, они ждали в надвигающейся темноте прихода Мартина.

Эллен испытывала гнетущую тревогу; хотя она постоянно уверяла сама себя, что не имеет к этому никакого отношения, ее назойливо преследовало два ярких воспоминания: мощная фигура, простирающая вперед свою руку и страстно говорящая о свободе и справедливости, и хмурое, худое лицо, шепчущее: «Вы напомнили мне»...

Мартин усталыми шагами поднялся на веранду и вошел в комнату.

— Это бесполезно! — сказал он. — Он не хочет говорить. Я убеждал и просил его. А он только улыбается и отвечает: «Мне нечего сказать». — Он опустился на стул и утомленно закрыл глаза.

Все замолчали. В эту минуту Эллен готова была возненавидеть весь мир.

Бу-ум!

Ее напряженные нервы не выдержали и она вздрогнула, когда из краалей за чертой города прогремел удар одного из больших сигнальных барабанов. Она невольно обернулась, чтобы взглянуть на Мулунгу, за ее спиной.

Бу-ум!

К ее удивлению в зияющей единственной глазной впадине идола не блеснуло ответного сверкания. Она ждала второго удара, как вдруг Юлиан сказал:

— Дьявольски жуткая штука! Если бы этот идол принадлежал мне, я бы заткнул чем-нибудь этот глаз.

Она озадаченно обернулась. Юлиан сидел наискось от нее, с другой стороны очага, лицом к находящемуся за ее спиной идолу.

— Разве он сверкнул? — спросила она. — Я этого не видела.

— Ну еще бы... чертовски сильно!

Она снова повернулась лицом к идолу, поджидая звука барабана.

Бу-ум!

Из глаза не посыпалось ни одной разноцветной искры.

— А на этот раз он тоже сверкнул? — спросила она.

— Ну, конечно, сестренка! А в чем дело, сестренка?

— Значит, отсюда не видно! — размышляла она. —

Это странно. — Какая-то мысль пронизала ее мозг и словно луч света озарила ее ум. Задрожав всем телом, она вскопчила и крикнула: — М-р Мартин!

Он выпрямился, вздрогнув от неожиданности.

— Не был ли Ретейф застрелен в этом кресле, в котором я сейчас сижу?

Он устало кивнул, словно недовольный тем, что она заговорила на эту тему.

— Да! В нем и сейчас осталась дыра от пули.

— Кресло стояло в то время на этом же месте и выстрел был сделан в спину?

— Да, так! — Он посмотрел на нее с любопытством.

— Тогда... в тот вечер Мулунгу стоял именно там же в нише?

— Да! Но...

Она бросилась к нему и стала терзать его за плечи. — Проведите меня к нему! К м-ру Скайфу! — И, не давая ему заговорить, продолжала:

— Пожалуйста! Не возражайте ничего! Проведите меня!

Юлиан подбежал к ней: — Успокойся, дорогая! Успокойся! Что случилось?

Но она стряхнула с себя его руку и подталкивала Мартина к двери. Ей казалось, что пыльная дорога к помещению суда, где Скайф был заключен под стражей полицейских, растянулась на много миль. Оба мужчины едва поспевали за ней.

... Скайф сидел у стола и что-то писал при желтом свете лампы. Тусклое освещение бросало глубокие тени на впадины его острого лица.

При звуке шагов он равнодушно встал, но изумленно откинулся назад, увидав на пороге Эллен.

Она остановилась и подняла руку с протянутым к нему обвиняющим пальцем. И стремительно заговорила:

— Вы сказали мне, что когда тот человек был убит, вы видели, как от выстрела сверкнул глаз Мулунгу?

На его лице отразилось негодование и он холодно ответил: Да!

— Так почему же вы позволяете им думать, что это сделали вы? Он был убит выстрелом в спину. Если бы вы это сделали, вы не увидели бы сверкания глаза. Его можно увидеть только глядя на него прямоком, в упор.

Скайф точно окаменел, только слышно было его учащенное дыхание.

— Скажите им, что это не вы убили! — страстно выкрикивала она, вся в слезах. — Скажите им! — и, встретившись с ним глазами, вдруг умолкла.

— А что вам до того, я-ли это или кто-нибудь другой? — спросил он с дрожью в голосе. Смутившись, она закрыла лицо руками. Он подошел и притянул ее к себе.

— Я рад, что вы убедились в этом... Когда вы явились ко мне туда... О, Эллен!

Она прижалась к нему, словно к единственной твердыне среди шатающегося мира. Потом, откинувшись назад, ища его взгляда.

— Кто это сделал?

Он, казалось, забыл обо всем на свете, кроме нее и наполнявшего его счастья.

— Бэрстоу! Из сада. Я пытался откупить у Ретейфа эти документы. Я поклялся Вере всеми средствами защищать ее отца до самой его смерти. Это была единственная возможность. У меня есть его письменное признание.

Внезапно вспомнив, что его слушают еще два человека, он остановился и прошептал:

— Что я сделал?

Но Мартин положил ему на плечо руку:

— Я забыл сообщить тебе: Бэрстоу еще на прошлой неделе умер в Занзибаре!

Белая Дama.

Рассказ ЕВГЕНИЯ ЮКОНА. — Рисунки ГЕРМАНОВА

Тот вечер был такой же, как и сегодня. В открытое настежь окно струился теплый июньский воздух и было видно, как качаются густо заселенные листьями ветви большого парка. А немного повыше, над хмурыми, безмолвно застывшими соснами главной аллеи, над мягкими шапками фруктовых деревьев, над шопотом и шелестом лиственной зыби—по темному небу, обгоняя друг друга, пробегали облака, посеребрившие от сумерок.

Откуда-то слышались веселые голоса игравших в горелки. Совсем недалеко то и дело раздавались одобрителные или насмешливые восклицания, которыми сопровождался удары игравших в городки. Из далеких глубин громадного здания (когда-то, в далеком прошлом, — княжеского дворца) доносились резкие звуки рояля и песни.

Дом отдыха жил обычной вечерней жизнью, и только звонок ко сну нарушал безудержное веселье. Вот в такой вечер и рассказал Андрей Разимов, наш друг и товарищ, о своих военных приключениях в 20-м году.

Вспомнилась далекая, уютная комнатка дома советов, в холодном, северном красавце—Ленинграде, с которой связаны были у нас лучшие воспоминания о долгих зимних вечерах, проведенных вместе.

И снова, как тогда, потянулась к окну белая пелена табачного дыма и, удобно усевшись на стулья и в креслах, мы приготовились слушать о приключениях Андрея Разимова.

Перебросившись несколькими фразами о ленинградских новостях, Андрей слегка улыбнулся, глянув в нашу сторону и, неторопливо закуривши папиросу, начал свой рассказ.

* * *

— Сегодня — начал он — мне хочется рассказать об одном случае из гражданской войны. На западном фронте сосредоточивался тогда главный удар против революции. От Латвии до Галиции сплошной стеной продвигались на Минск, Киев и Псков польские батальоны. Мой конный корпус, как и многие другие части, был переброшен в самый центр борьбы с поляками.

Вы помните, очевидно, тот момент, когда несколько крупнейших боевых единиц двинулись, прорвав польский фронт, на Варшаву. Наш корпус, вскоре после успешного прорыва, отделился от основной массы войск и, отчасти следуя указаниям штаба фронта, а в значительной мере подчиняясь стихийному порыву, углубился в Польшу, стремясь обогнуть Варшаву с юга.

Длинной лентой растянулся корпус по мягким, ухабистым дорогам Западного края. Легко гарцуя на своих тонконогих и ловких лошадях, скакали кавказцы, то и дело стремясь обогнать головной отряд, состоявший из кубанских конников. Весело, но вместе с тем и немного жутко, было скакать по безлюдным полям и пролескам, залитым солнечным потоком. Чем дальше мы скакали вперед, тем чаще думалось о рискованности нашего рейда. Со всех сторон на нас смотрели безразличные к нам рожи, стога сена, волнующиеся хлеба. И подъезжая к большому лесу, мы как-то невольно смолкали, настораживались, ожидая, что вот-вот застрекочит пулемет, за ним другой, третий — и неведомый враг со всех сторон вдруг начнет поливать нас свинцовым дождем, оскалив зубы смерти.

Но проезжали спокойно лес, вновь были среди раскинутых широко полей, въезжали в крестьянский поселок и, не останавливаясь, снова бодро и весело, с лихими выкриками и гармонью, неслись ураганом нескольких тысяч человеческих и лошадиных тел. И чем дальше и дальше скакали вперед, первоначальное чувство страха начало сменяться полным безразличием перед лицом неизвестности.

Приближался вечер. Усталость стала быстро скопивать тело, заставив почувствовать ломоту в руках и ногах. Она же заставила чаще всхрапывать лошадей, спотыкаться на гладкой дороге и все чаще и чаще от рыси переходить к крестьянскому ходу — трусцой.

Пришлось подумать об отдыхе. Мы ехали по глубокому, извилистому оврагу, покрытому сочной шелковистой травой. Позади меня командиры то и дело предлагали сделать остановку хотя бы ради лошадей. Но я, не останавливаясь, продолжал ехать вперед, надеясь все-таки добраться до ближайшего поселка.

И когда за поворотом неожиданно кончился овраг, нашим глазам открылась величественная картина. На

другом конце поляны вздымался огромный холм, на вершине которого высился громадный мрачный замок, а вправо от него, за тяжелой и массивной стеной, выросла вышка костела.

На гору, к крепким чугунным воротам, вела спирально хорошо вымощенная дорога, по которой скрипела повозка с бочкой воды. Лошадь медленно тащила повозку вверх, и рядом с ней шел человек в монашеском одеянии.

— Старый польский монастырь! — воскликнул мой помощник, придерживая коня.

— Даешь калуцинов! — закричал кто-то сбоку.

И наши лошади, почуяв жилье, корм и отдых, снова взяли галоп и понесли нас вверх по дороге — прямо к раскрытым чугунным дверям таинственного замка.

В своих предположениях мы не ошиблись. Замок, действительно, оказался жильем монахов большого католического монастыря.

Черные тени монахов то и дело встречались на большом монастырском дворе. На фоне старинных построек они казались выходцами из глубин прошлого, как будто ожили на наших глазах мрачные инквизиторы времен средневековья.

Спрыгнув с коня, в сопровождении нескольких конников, я побежал вверх по лестнице, в покои прелата, настоятеля монастыря.

Нас встретил далеко еще не старый, худощавый человек, с острым выражением лица, аккуратно одетый, застегнутый на все крючки своего монашеского одеяния. Это был прелат.

Увидав нас, он на мгновение в испуге отпрянул в сторону, но, быстро оправившись, поклонился и тихо спросил на чистом русском языке:

— Что угодно храбрым воинам в нашей тихой обители?

— Мы останемся здесь на несколько дней — кратко ответил я.

Прелат метнул взором в мою сторону и на мгновение в его глазах вспыхнуло неудовольствие и бессильная злоба.

— Но ведь неудобно войску местом постоя избирать монастырь? — И прелат склонил голову, ожидая ответа.

— На войне все удобно! — усмехнулся я и, сразу же прекратив этот разговор, отдал приказ:

— Освободить нужное количество келлий! Монахов уплотнить! Открыть монастырские конюшни, снабдить лошадей кормом! Организовать для конников ужин.

Прелат криво улыбнулся и, выслушав мои приказы, произнес:

— Мне ничего не остается, как подчиниться грубой силе.

Я выбрал себе две просторных кельи. Одна из них должна была служить мне спальней, а другая — помещением штаба корпуса. В этой келье я собрался со своими командирами сейчас же после встречи с прелатом. На летучем совете штаба было решено остаться на некоторое время в монастыре, попытаться установить связь с другими частями, совершившими прорыв фронта и на Варшаву идти только с ведома главного командования.

Наступил вечер.

Конники понемногу притихли, измаявшись за день дикой скачки. После ужина и мы разошлись по своим кельям.

И когда погасла последняя лампа в замке, тишина наполнила его таинственные коридоры жутким молчанием; где-то в глубине раздался дикий вопль, от которого пробежал по коже нервный зуд. Сразу же вслед за ним раздался выстрел.

Я вскочил, набросил на плечи шинель и, держа наготове маузер, выскочил в коридор.

Тяжело дыша, стуча сапогами и прикладом интровки о каменные плиты, ко мне бежал в темноте человек. Это был конник, которого мы поставили часовым у западной башни замка в конце моего коридора.

Услыхав мой оклик, он дико рванулся в сторону, прильнул к стене и затем, придя в себя, чуть слышно вымолвил:

— ...Белая дама... там...

— Что ты городишь? — вскипел я.

— ...Белая дама — твердил он — ...я стрелял... она исчезла в одно мгновение...

Со всех сторон сбегались конники, появился свет. Часовой стоял у стены. Его губы дрожали и на лице застыла перекошенная гримаса страха

* * *

На следующий день я вместе со своим штабом был приглашен на обед к прелату.

Он держал себя изысканно вежливо и предупредительно, как будто стараясь показать, что если уже судьба столкнула нас под одной крышей на некоторое время, то его нужно провести так, как это принято среди культурного и цивилизованного человечества.

После недавно пережитой нервной встряски, после целого дня дикой скачки и, наконец, после нескольких месяцев боевой, походной жизни — что может быть лучше мягкого и удобного кресла, и большого стола, уставленного разнообразными закусками и веселящими винами?

Мы охотно пошли навстречу гостеприимным приглашениям прелата. Зазвенели стекла бутылок и бокалов, наполнились тарелки, и наша изголодавшаяся, измученная компания стала с лихорадочным усердием уничтожать как сардины в низеньких коробках, так и селедку с картофельным винегретом.

Очень скоро беспорядочный разговор свернул в сторону одной, наиболее интересовавшей всех темы.

— Белая дама! — и прелат слегка улыбнулся. Помолчав минуту, он негромко добавил: — Это верно. Старые монахи нашей обители уверяют, что это дух грешницы, замученной во времена инквизиции.

Мы переглянулись, готовые рассмеяться.

— Конечно, — воскликнул прелат, видя насмешливое к себе недоверие, — конечно, я не собираюсь настаивать на этом. Я кончил академию и могу сомневаться в действительности старых монастырских легенд.

А наполняя мой бокал, он все-таки добавил:

— Но вместе с тем, приходится считаться с фактом. Белая дама есть, она появляется так же незаметно, как и исчезает в западной башне замка.

— А может быть это шутки старого монаха, хранителя легенды? — спросил я, вызвав улыбку окружающих.

Прелат сделал серьезное лицо.

— Нет! — твердо произнес он. — Монах, рассказавший мне эту легенду, только сам недавно оправился от нервного потрясения. Он встретил ее, после первых сумерок, в том же коридоре.

— Может быть, он был пьян? — спросил кто-то издалека.

Прелат промолчал в ответ на это шутливое замечание.

После обеда мы собрались в моей комнате и в отсутствие прелата говорили на эту тему свободнее и по-деловому.

— А ведь это, в сущности говоря, глупейшая и пошлейшая история! — воскликнул мой помощник.

— Эта «белая дама» может нам здорово напор-
тить.

— Чем? — встрепенулся я.

— Немоги́м, но все же. Ведь наши кубанцы
и рязанцы, хотя и красные конники, так же суеверны
и темны, как и их деревенские и станичные сородичи.

— Пожалуй, это и так, — согласился я.

— Ну, конечно! — поддержали остальные. — Ведь
вчерашний часовой перепугался не на шутку.

— Будь то злополучная грешница, — продолжал
мой помощник, — или веселый шутник, во всяком слу-
чае, нужно держать ухо остро.

— А насчет страха, это верно! — по детски улы-
баясь, сказал отчаянный рубака Халматов, командир
1-ой сотни. — Чорт
его знает, что по-
думать, когда ночью
такая тюгтя-мюгтя
встретится.

Решено было так
или иначе раскусить
этот орех, не ожи-
данно застрявший в
наших зубах. Где
надо — последить,
кого надо — подка-
раулить и тем самым
поскорей закончить
эту дурацкую исто-
рию.

Вечером коман-
диры сошлись в моей
комнате на военный
совет. Нужно было
наметить план ре-
шительных действий.
До Варшавы не более
полутора дней
скачки. Где наши
остальные части —
неизвестно. Может
быть Варшава уже
взята конницей Бу-
денного? Может
быть, рейд Гая с его
конницей с севера
удался? А, может
быть, и, наоборот:
враг по частям раз-
бил наши силы и мы
застряли в этом замке
одни-одинешеньки.

По моим подсчетам — карта потом их оправдала —
мы прорвались вглубь к белым почти на 100 верст.
Слева от нас, по плану — верстах в сорока-пятидесяти,
шла конница Буденного. В случае удачи Буденного, его
отряды где-то недалеко от нас.

Все эти соображения я изложил военному совету
корпуса.

— Я думаю итти на Варшаву одним нам не след! —
сказал Халматов.

С этим все быстро согласились.

— Не лучше ли, — предлагал я, — двинуться на юг
от замка, с легким отклонением пути влево. В случае
удачи это приведет нас к Буденному. И тогда сопри-
касаюсь с его правым флангом, мы уже двинемся общим
фронтом дальше, к Варшаве.

Командиры склонились над картой. Занялись дета-
лями. Мой помощник намечает, какому эскадрону
и где ехать. Решаем разбиться на две группы и ехать

параллельно одна другой, чтобы левая группа откля-
нилась от нас верст на десять. Это увеличит шансы
на встречу с Буденным, если его войска прорвались не
так глубоко, как мы предполагаем.

— Но есть опасность! — сказал я.

Все встрепенулись.

— Опасность заключается в том, что противник
может перерезать нам этот путь. Отступать тогда уже
будет некуда.

— Но, чтобы перерезать нам путь, враг должен
точно знать наше направление? — возразил кто-то.

— К этому я и веду. Нужно усилить наблюдение
за местной почтой и телеграфом. По-моему, там недо-
статочно наблюдают за телеграфистами. Да еще нужно
следить, чтобы ни
один человек не
ушел из замка или
поселка.

— Ну, — восклик-
нул Халматов, —
этого-то можно не
бояться. Сторожевое
охранение никого не
выпускает и не вы-
пускает.

— Отлично! Не
забудьте только, что
наши конники ничего
не должны знать о
направлении нашего
рейда. Могут слу-
чайно проболтаться.
Ведь если кто-ни-
будь из монахов
узнает, куда мы
едем, то об этом
узнают белые не
позже, как через
десять минут после
нашего отъезда.

— Но мы порвем
телеграфные и те-
лефонные провода, —
заявил помощник.

— Этим делу не
поможешь. Часом
позже они сообщат
по телефону из со-
седних поселков или
костелов.

— Это пра-
вильно.

— А, кроме того, — добавил я, — перед отъездом
нужно состряпать ложную телеграмму в Варшаву,
которая на несколько часов нам, может быть собьет
противника со следа.

Карта покрылась вскоре различными крестиками,
кружками, а прямая красная черта искривилась, огибая
холмы и болота.

Заскрипела дверь. Шаркая сапогами, вошел часовой.

— Товарищ командир! Здесь посыльный от пре-
лата.

— Чего ему?

Монах вошел. На мгновение взор метнулся к столу
карте, бумагам, но потом уже подобострастно кланяясь
и, в высшей степени вежливо улыбаясь, он передал
приглашение прелата притти на чашку чая.

Мы отказались, так как не было ни минуты сво-
бодной. Монах ушел, а мы после этого еще добрых два

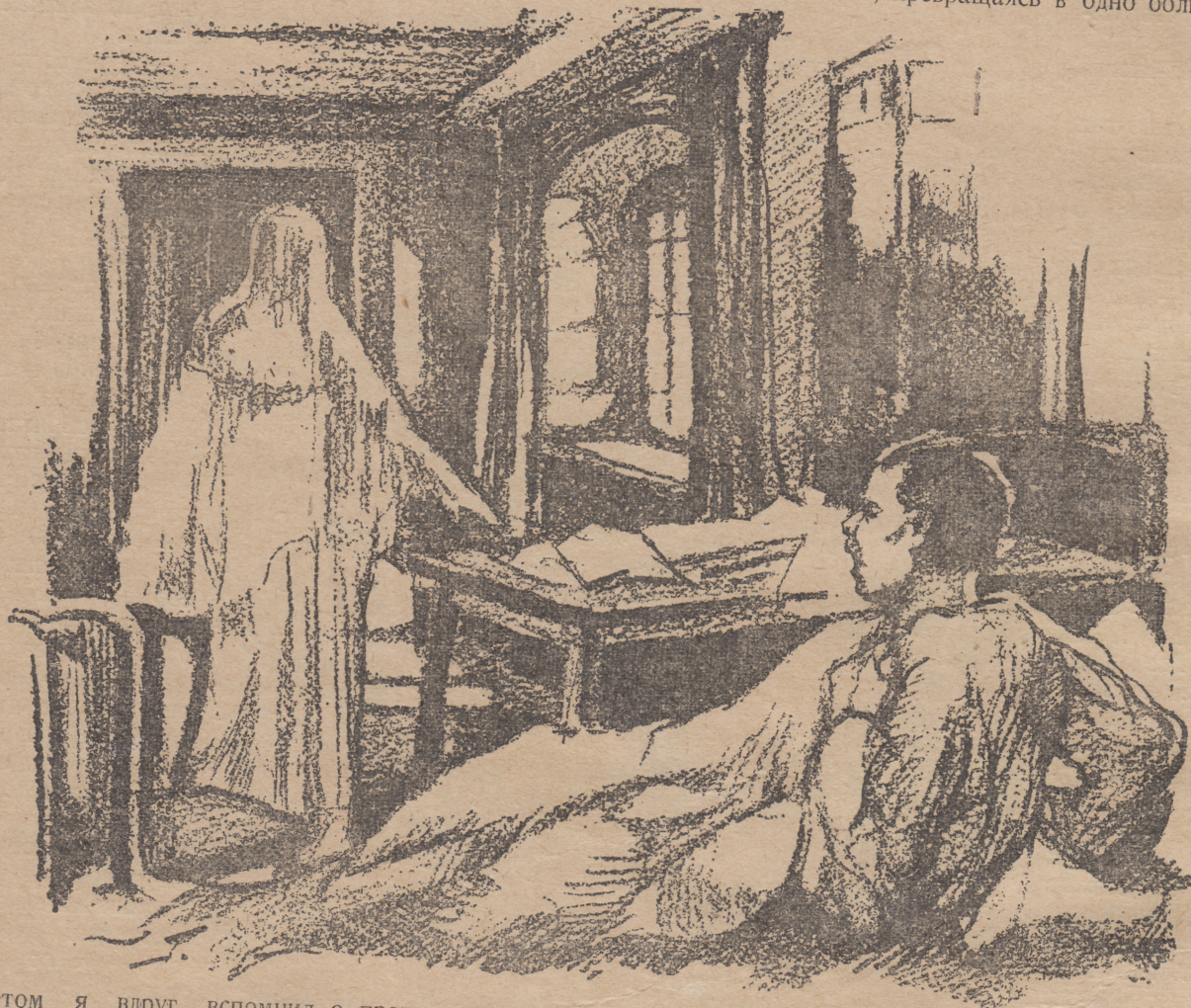
часа возились над разработкой деталей завтрашней скачки.

Наконец, усталость взяла свое. Аккуратно сложив карту и бумаги на столе, я потянулся, разминая затекшие руки и ноги. Командиры разошлись по своим кельям. Приближалась ночь.

* * *

Я загасил свет и улегся в кровать, натянув до подбородка мягкое и теплое одеяло.

За окном, по резким карнизам замка и отвесным выступам башен, метался с дикими песнями ветер. Качались вершины исполинских тополей, гнулись до земли слабые березы, и мне казалось, что я слышу, как трещат их раненные ветви.

Потом я вдруг вспомнил о предстоящем рейде. Карты и планы лежат на столе. Ничего особенного случиться не может. У двери часовой, да к тому же и нападать некому. Полежал еще минут пять, но затем все-таки встал и для спокойствия вынул из ящика стола револьвер и положил его около себя, на стуле. Очень скоро после этого я заснул под монотонный скрип наружной ставни моего окна.

Через некоторое время меня разбудил легкий стук. Я открыл глаза — было тихо. Но сердце тревожно забилось и мне почудилось, что в комнате есть кто-то, кроме меня. Во сне я повернулся лицом к стене и, кроме нее, серой и темной, ничего теперь не видел. Я решил тихонько повернуться на кровати для того, чтобы мне была видна комната. Предательски скрипнула кровать. Я замер, напряженно держась на локте. В висках кровь методически отбивала удары. Выждав с минуту, я стал тихо поворачиваться, стараясь делать это так, чтобы не двигалось одеяло. Из-под краешка его оглянул ком-

нату. Было тихо, и только за окном продолжал завывать взбесившийся ветер.

Я уже успокоился и внутренне стал проклинать свои нервы. Но раздраженное воображение заставляло подозрительно вглядываться в сторону тяжелой оконной портьеры, часть которой как будто шевелилась, выдаваясь слегка вперед. Притаившись, я попытался было заснуть, но глаза то и дело раскрывались и подозрительно нащупывали темную портьеру.

Прошло много минут прежде, чем я постепенно стал засыпать. Уже завывание ветра слышалось не издали, а скрип ставни отдавался где-то глубоко в подсознании, дыхание стало ровным, и веки, не вздрагивая, медленно закрывали глаза. Портьера таяла, сливаясь с темнотой, превращаясь в одно большое пятно.

И вот тогда скрипнула половица и сейчас же вслед за этим что-то зашуршало на столе.

Я открыл глаза. Теперь сомнений не было. У стола стояла белая дама. В первую минуту я не на шутку испугался. Сердце застучало сильнее и на лбу выступили крупинки пота. Но еще через мгновение я справился с собой, схватил со стула револьвер и прыгнул на пол.

Она не растерялась и, только слегка обернувшись в мою сторону, застыла в прежней позе. Белая вуаль была отброшена на голову. Медленно подняв руки, дама опустила вуаль на лицо.

— Руки вверх! — и я поднял револьвер.

Дама выпрямилась и тоже подняла руку на уровень моей руки. В руке чернел револьвер.

Я почувствовал, что нельзя терять ни минуты. Нажал курок. Выстрела нет. Еще раз, еще. Выстрела не было.

— В вашем револьвере нет патрон! — отчетливо сказала дама. Нет, не «сказала», а «сказал». Потому что голос был мужской, твердый и грубоватый.

Одним прыжком я неожиданно очутился у незнакомца и, не дав ему опомниться, выбил из руки револьвер.

Все это произошло так стремительно, что он на минуту растерялся. Воспользовавшись этим, я быстро нагнулся, ища браунинг. Но в тот момент, когда я уже коснулся холодной стали, незнакомец быстро придавил кисть моей руки к полу, до боли сжимая ее ботинком. Не дав мне опомниться, он захватил мою шею под мускулы правой руки и с силой рванул в сторону.

Он упал на пол вместе со мною, не выпуская моей головы. Я понял, что еще две-три минуты, и буду задушен.

Сжав обе руки в кулаки, я сразу с силой уперся ими в грудь незнакомца. От толчка мое тело откинулось в сторону и голове, вернее шее, стало чуть свободнее.

Но незнакомец ловко перебрисил свои ноги через меня и снова, навалившись на мою грудь, сжал в своих железных тисках голову.

Мой подбородок приходится как-раз на правом боку его грудной клетки, сзади мою шею давит его рука, сомкнутая пониже локтя, левой рукой в кольцо. Я не сказал бы, что держать свою голову под мышкой врага безопасно. Он напрягает силы и прижимает сильнее мою шею. Если я подниму подбородок — конец.

Поэтому, всеми силами нажимаю подбородком на его грудь. Наконец, собираю последние силы. До острой, мучительной боли в челюстях, я нажимаю подбородком его ребра. Одновременно, после ряда усилий, мне удается высвободить левую руку настолько, что достаю его лицо. С остервенением цепляюсь за его нос, глаза; он быстро откидывается назад, но поднять меня за собой ему невозможно. Руки разжимаются, я дышу свободней, но чувствую, что не могу повернуть шею, а в глазах красные пятна тумана.

Еще одно усилие и я на ногах; тяжело дыша, опираюсь спиной о холодную стену. Это слегка освежает.

Незнакомец передо мной.

Но вот он, встрепенувшись, ищет глазами на полу. Я вспоминаю про револьвер и бросаюсь на незнакомца. Сильный удар кулаком не попадает в цель. Мой противник ловко отбивает его, и удар приходится на плечо.

В ответ на него я получаю от незнакомца крепкий толчок в грудь и отскакиваю назад. Сзади под ногами чувствую мешающий мне стул. Противник немедленно пользуется своим преимуществом, и новый удар опрокидывает меня через стул на кровать.

Теперь у него положение еще более выгодное. Он наваливается на меня всей своей тяжестью. Хватает подушку и, после короткой борьбы, набрасывает ее мне на лицо.

Я извиваюсь под ним, жадно хватая ртом воздух.

Вдруг в коридоре раздаются громкие шаги, лязги и стук винтовок. Идущие останавливаются и, после изумленного восклицания, подбегают к моим дверям.

Мой противник отскакивает в сторону. Освобожденный, я бросаюсь за ним и настигаю его тогда, когда его рука вот-вот коснется револьвера. Что есть силы я толкаю его вперед, и мы падаем в угол комнаты.

Раскрылась дверь.

Входят зонтики, у них в руках фонари. Их свет мне кажется особенно ярким. Я как в тумане вижу удивленные лица вошедших.

В коридоре около двери лежит в глубоком беспмятстве полузадушенный часовой. На шее у него следы тонких и крепких пальцев.

Я освежаюсь мокрым полотенцем. Подхожу к столу. На нем в порядке разложены карта и бумаги. Рядом с ними лежит точно и аккуратно переписанный наш план, в большей его половине.

Если бы меня не разбудило неосторожное движение белой дамы, никто так и не узнал бы о том, как наши планы стали известны врагу.

— А кто же она? Кто? — в нетерпении набрасываемся мы на Разимова.

Он хитро улыбается.

— А разве еще неясно? Это был прелат.

— Ну, и...

— И в ту же ночь мы его израсходовали! — закончил Андрей Разимов.

В окно из парка потянуло прохладой. Только теперь стало заметно, что играющих в городки и горелки уже не слышно и во всем доме царит тишина.

СОЛОМОНОВ СУД

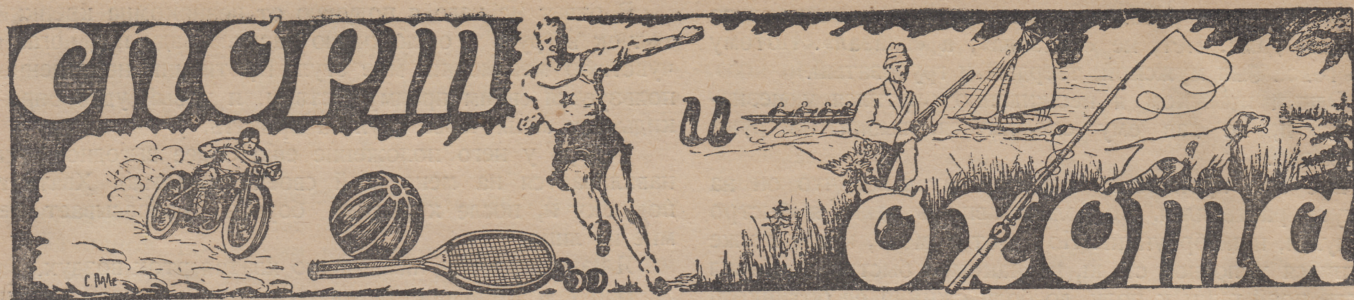
Два араба, Ахмед и Юсуф, отправились в Мекку, как это надлежит благочестивым магометанам. После тяжелого и утомительного пути оба достигли маленького оазиса, где и порешили поесть и отдохнуть. Ахмед имел при себе пять хлебцев, Юсуф же только три. Когда они отдохнули и принялись было за еду, к ним подошел незнакомец и предложил разделить с ним трапезу за 8 пиастров. Оба дали свое согласие и все трое принялись есть, пока не съели всех восьми хлебцев.

Незнакомец положил восемь пиастров на землю и пошел своей дорогой. Когда он скрылся из виду, Ахмед сказал: «Мы разделим эти деньги справедливо.

Я имел пять хлебцев, и получаю пять пиастров, ты имел три и получишь остальные три пиастра». Но Юсуф этим решением доволен не остался и потребовал половины всех денег. Они долго спорили, но ни один не уступал. Случайно в том же оазисе жил мудрый старец, к которому отовсюду стекались люди, когда нужно было разрешить какой-нибудь трудный вопрос.

Ахмед и Юсуф отправились к нему и попросили решить их спор. И каково же было их удивление, когда мудрец постановил: «Ахмед получает 7 пиастров, а Юсуф только 1».

Справедливо ли его решение?

В перелесках.

Где то в лесах Гималайских гор, говорят, еще водятся настоящие дикие куры, прямые предки домашних кур, но тетерев нашим домашним курам несомненно лишь дальний родственник.

Тетерева разгребают землю лапами и копошатся в песке действительно совсем как куры; тетерка, водя тетеревят, клохчет, а черныш, когда он чем-либо изумлен чрезвычайно, кудахчет очень похоже на курицу, но на том сходство и кончается. Про токующего тетерева иногда говорят, что он поет, но это не верно. Он скорее воркует, а, если выражаться точно, он своеобразно бормочет. И это бормотание, полное не то страстной тоски, не то какой-то нежной печали, одна из звучнейших любовных песен весны.

У тетерева нет знаменитого «кукареку», но зато петух не может चुфыкнуть, с чего черныш начинает свой ток. Километра на три несется по росистой заре этот яростно веселый крик краснобрового, расфуфыренного, готового и на бой и на ухаживание косача. Тетерка громко не кудахчет никогда. Впрочем, вся тягость семейной жизни ложится исключительно на скромную тетерку: быть может потому и не слышать ее громкого голоса. Отыграв ток, великолепный кавалер-косач, он же черныш, не обращает ни малейшего внимания на свою serene подругу. Он не бьет ее, не разрушает ее гнезда, не убивает птенцов, — нет, в подобных безобразиях тетерев не замечен, но к потомству своему он совершенно равнодушен, а с дамами, если не груб, то неучтив.

Петух, например, скликает кур приторно-ласковым голосом, торопливо разгребая лапами, при чем часто вкусную находку съедает сам. Этот домашний подлец делает еще хуже: он зовет кур иногда на заведомо пустое место, и глупые бабы-куры стремглав бегут к нему со всех сторон, а затем отходят самым разочарованным видом. Но зато когда курица, снеся яйцо, желает оповестить о том весь мир радостным кудахтаньем, петух ей добросовестно помогает и орет басом: «кудох-то-тох». И не прочь при этом случае, который ему решительно ничего не стоит, лишний разок спеть, самодовольно похлопав крыльями: «Вот, мол, как у нас».

Дикий тетерев подобных приятностей в обращении не имеет и, как уже сказано, отыграв любовь, он, не лицемеря нисколько, удаляется в строжайшее уединение. Надо ли ему перелинять, откормиться в полном спокойствии или он любит в одиночестве думать о своей тетеревиной жизни, — как бы там ни было, с самой весны и до тех пор, пока не начнет падать с деревьев зазолотившийся лист, косач-черныш живет один.

Тетерка, избалованная хотя бы показным участием супруга, бодро и неусыпно несет все заботы о будущем поколении. Она в лесу на земле вьет гнездо из сухой травы, устраивает в нем мягкую постель из мха и опавших сосновых иголок, причем верхушку постели выстилает

пухом из собственной груди. На это нежное ложе она выкладывает удивительное для ее роста число яиц: в расцвете сил, т.-е. на третьем году своей жизни, тетерка может высидеть до 16 яиц.

Пьет она те капли росы или дождя, которые успеет похватать, не сходя с гнезда. Чем она питается, почти не сходя с него? Никакой пищи около гнезда никем не приготовлено. Когда тетерка на гнезде спит? Днем и ночью шныряют кругом нее ненавистные, коварные, хитрые враги: белки, ласки, хорьки, бурундуки, даже просто крысы. Всех их ждет неусыпная бдительность и этаканный бой на смерть... Хищная мелочь, впрочем, осмеливается покуситься на кражу тетеревиного яйца лишь во время отлучки тетерки с гнезда; даже лисица отступает перед бешеными ударами крыльев и клюва самоотверженной матери, царапающейся так, как будто на ее куриных лапах выросли когти орлицы. Единственный враг, от которого тетерка испуганно улетает с гнезда, это человек или его бродячая собака: эта сожрет и яйца и тетерку как бы она ни дралась. А от человека пощады тем менее...

Но если судьба уберегла гнездо тетерки от подобных посетителей, то, обычно, в жаркий июльский день вокруг гнезда вдруг пискливо суетится множество пуховых темно-желтых цыплят, а счастливая мать, озабочено клохча, слегка их поклевывает. Нужно ли ей, тронув каждого клювом, убедиться, сосчитать, что число птенцов соответствует числу бывших яиц, выражает ли этот клевок материнскую ласку, побуждение к жизни?

Кто скажет, чем кормит тетерка своих цыплят, пока они не обсохли, в течение первых двух-трех часов их существования? И кормит-ли? Вернее, что нет, не кормит. Как только они обсохнут, они уже бегают довольно бойко, и мать, угрожающе клохча, ведет их на муравейник, где показывает им, что есть и как есть: разгребая лапами, она достает муравьиные яйца, расклеивает их на мелкие части и стучит клювом по этой нежнейшей пище, не глотая ни кусочка. Когда же все клювики, подражая большому клюву, настучатся, наглотаются питательного корма, тетерка, надуваясь и клохча на страх всем врагам, ведет свой выводок к какому-либо кусту, быть может при рассмотренному и одобренному заранее, и там, собрав всех птенцов под крылья, чутко дремлет.

Перья в ничтожных крылышках тетеревят уже есть, и они могут перелетывать: это «поршки», юные птички с колеблющимся неровным полетом бабочек. Они умеют есть, летают, бойко бегут на желтых лапках толщиною в спичку, но они еще долго будут совершенно беспомощны. И человек только с подлой, бессердечно-скардной душой, способен убить «старку» от выводка поршков. Ничего нет проще, как это сделать. Достаточно раз подслушать писк тетеревенка, чтобы затем, дунув на травинку, вложенную между большими пальцами рук, запищать почти также. Тетерка, в избытке любви, не сообразив пересчитать своих птенцов, кинется на этот жалкий звук

без всякой осторожности, то летит совсем открыто и низом, то, вытянув шею, подбегает к человеку, сидящему в траве, на три шага: ее можно убить камнем, палкой, эту бедную, без ума любящую мать. Тогда убийца получает облезлую кожу и сухие кости никуда негодной птицы, так как даже перья тетерки, истомленной долгой высидкой, взъерошены, тусклы, дрянны. А весь выводок бесполезно гибнет: отыскивать себе пищу он не умеет, а если бы случайно нашел, то, все равно, первый дождь погубит всех тетересят наповал. Негде обсушиться, нет теплых крыльев, которые так верно, так надежно укрывали и от дождя и от холодной сырости росистой ночи. Грудка птенцов, погибших от дождя, одно из самых жалких зрелищ...

Когда тетеревята подрастут настолько, что вместо пуха на них появятся перья, то не только тетерка, но и все тетеревята, отозвавшись, спешат на звук все того же немудреного манка из травинки. Выводок немногочисленный, менее привлекая жадность промышленника, легче переживает эту опасную пору тетеревиной жизни.

Выросши немного побольше, чем в полматери, тетеревята вторично линяют, и рыже-серые перья юных тетерей вдруг пестреют черными пятнами: это тетеревята «букетами пошли». Это выводок в полной красе, во всей силе и... и чего-ж тут ждать?

В тот час, когда росистый ягодник дышит свежестью едва засиявшего утра, пусть умная и вежливая собака растерянно встанет перед многочисленным выводком. Да, что-ж ей делать? Они все тут, их так много, они, притаившись, сидят чуть ли не рядом... Как быть?

Один неопытный охотник долго бежал однажды, за собакой, которая по всем признакам вела по куропаткам — со жнивья в кусты, в мелколесье, на вырубку... Когда все прибежали в благоухающие заросли черники и брусники, собака вдруг как будто захромала, замедлалась, встала, как бы мучительно скрючившись. Что ее поразило, не укусила ли змея? Собака растерянно озиралась по сторонам, и юный охотник стоял в полном недоумении. Вдруг с оглушительным треском взорвались десятка три темных клубков и, замелькав между кустами, хлопая крыльями исчезли даже без выстрела. Затем необыкновенный выводок был найден снова и опять разлетелся, провожаемый на этот раз двумя выстрелами: юнец влопыхах пропуделял начисто.

Собака не обманула: выводок бегущих куропаток привел ее в середину выводка тетерей и оба, взорвавшись сразу, оглушили как охотника, так и собаку. Как же узнал, что тетерей было около трех десятков, этот птенец, простофиля, ротозей, упустивший такую добычу? Он? Да, юнец прозевал, конечно, по неопытности... Но громовый трепет мгновенного взлета тетерей в благоухании ясного утра над зеленым перелеском, это сверкающее воспоминание живет в памяти бывшего юнца все так же свежо и ясно, хотя с тех пор прошло столько лет, сколько было там этих темных клубков перьев. И... и... он ничего, он поправился тут же этот неудачный охотник, он вторично пошел за ними, улетевшими, и с помощью умного вежливого друга, узнавшего чутьем, где они теперь по одиночке расселись, подобрал их, кажется, всех: четырнадцать тетерей в букетах и двенадцать куропаток.

Через несколько лет после этого происшествия некто уже с усами в книжке прочитал, что по-кучно взлетев-

шему выводку нарочно стреляют в воздух «пчелкой», т.е. крупной дробью, просверленной насквозь: от свиста таких дробин тетерева и куропатки, рассеявшись по одиночке, затаиваются и крепче держат стойку.

— А мы своим умом до этого давно дошли! — не без самодовольства сказал усатый малый. — Помнишь, Дик?

И из угла комнаты, где кто-то лежал на соломенном матраце, послышалось легкое похлопывание, как будто палкой по матрацу: то умная и вежливая собака отвечала... Книжки Дик, крупный и пестрый кобель, не читал, нет, но он помнил и знал, если не все, то очень многое.

Черныш? Летний одинокий черныш? Да это мошенник первой степени. Он, прилетев чорт знает откуда, падает камнем в огромный дубовый куст, одиноко стоящий среди чистой пожни, и затаивается там в сушняке как мертвый. Он воображает, что охотник, идущий на бекасиное болото, пройдет мимо куста, чем все дело и кончится. Извините, тут есть очень умная и вежливая собака, которая на всякий случай считает долгом к кусту забежать просто так понюхать от нечего делать. И вдруг пахнет тетеревом...

Влезть в куст? Глупо и грубо. Пернатый жулик provavelmente убежит под густыми ветвями в противоположный край куста и оттуда вырвется пулей неожиданно для одураченного охотника. Нет, так нельзя. Кругом куста широким поиском, по гладкой пожне!

— Да, ты что же братец! — сказал с недоумением уже довольно опытный охотник, взяв, однако, ружье на изготовку. — Ты что-ж, по пустому месту идешь... Дик, а?

Но Дик уже чуял ясно, где затаился косач и, став мертво, устремил туда пылающие глаза.

Прогремел взлет, ударил выстрел...

— Ах, мошенник! — радостно говорил охотник, подбирая еще трепетавшего черныша. — Смотри-ка, Дик, куда он забрался, чуть ли не в болото уселся.

Дик ничего не ответил, но именно тут узнал, хотя может быть не вполне правильно, кого и за какие штуки называют мошенником.

Когда под холодным дыханием осенних зорь зазолотятся и частью опадут листья лип и берез, когда в перелесках запахнет яблоками, без видимых к тому причин, так как яблоков там нет, в это время тетерева выравниваются, т.е. юное поколение становится похожим на стариков, так что различить одних от других можно только взяв в руки. Разница между тетерками и косачами обозначается, наоборот, вполне резко и видна издали: в скромные рыже-серые перья одеты одни, сине-черными перьями, косицами, ярко красными бровями нарядно украшены другие. Если родственные выводки разбиты, то посторонние друг другу тетерева начинают собираться в общества, при чем дамы держатся дамской кампании, мужчины своей... Иногда среди стайки молодых косачей путается одна тетерка. Чем угодно можно поручиться, что это старка, которой удалось увидеть своих птенцов взрослыми, и она наперекор всем тетеревиным приличиям летает за детьми, хотя им до нее нет никакого дела. Доказать, что она им мать, конечно, невозможно, но из такой стаи убитая тетерка всегда старая, а косачи все нынешнего года, что непоколебимо устанавливается по перу.

Сбившись в стаи, тетерева становятся очень зорки, сторожки и... чрезвычайно глупо летят к выставленным чучелам: охота, продолжающаяся всю осень и зиму.

Лесник.

ЗАБАВЫ НА ВОДЕ

Много у нас воды и морей, да и рек у нас более чем достаточно, а водный спорт у нас как то слабо прививается. Повидимому, больше всего у нас тонущих, плавающих же значительно меньше. Между тем плавание не только полезный вид спорта, но и необходимое упражнение: в жизни человека много случаев, когда он рискует попасть в воду, а выбраться из нее может лишь тот, кто умеет плавать.

Научиться плавать не трудно, хотя, может быть, скучно, а всякая скучная наука преодолевается с трудом. Вот почему мы и предлагаем вниманию читателей не классические способы плавать, что можно найти в десятках учебников, а несколько забав на воде, которые могут доставить много веселых минут и уже по одному этому заслуживают того, чтобы из за них будущие пловцы потратили несколько скучных часов и научились хотя бы держаться на воде.

В отношении плавания в лучших условиях находятся прибрежные жители некоторых австралийских местностей, где круглый год температура такова, что позволяет купаться в открытом море. Из Австралии в Европу попала чрезвычайно интересная забава, которая на месте называется «серфинг», а в Европе получила название «планкинг».

Планкинг представляет собою скольжение по поверхности воды на узенькой доске, привязанной к лодке. Обычно применяются доски в 50 сантиметров ширины на 75 сантиметров длины: можно сделать такой плот из двухдюймовых досок, соединенных поперечинами.

В передней части пловца устраивается из дерева рама, которая должна опускаться сантиметром на 10 ниже нижней поверхности пловца и наверху подниматься на то же расстояние. К нижнему концу рамы прикрепляется довольно длинный, метров в 10 канат, середина которого прикрепляется к корме лодки, за которой бежит по воде плот; к верхнему концу рамы прикрепляется веревочная петля, за которую держится «планкист». Когда все готово, «планкист» в купальном костюме становится на плот, держась руками за веревочную петлю, и лодка отправляется в путь, таща за собою плот со стоящим на нем человеком. Передок пловца при этом приподнимается над водой и «планкисту» приходится делать не мало усилий, чтобы удержаться в равновесии на плоту; сначала он будет, вероятно, часто падать, но падения безопасны, так как упавшего примет в свои объятия теплая волна.

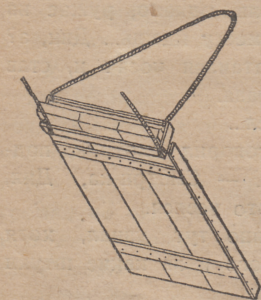

Рис. 1. Доска для планкинга.

Самое понятное, чем скорее идет лодка, тем интереснее, но и труднее гнаться за ней на плоту-доске. Начинаящему, конечно, лучше подрядить двух товарищей-гребцов на легкой лодке; потом они смогут поменяться местами. Когда будет достигнуто умение держаться на доске, можно будет использовать уже не гребную, а парусную лодку. Больше же всего удовольствия доставит моторная лодка, при чем совершенно не обязательно пользоваться ею одному; во-первых, на каждой доске могут стоять два опытных пловца, а затем, к одной лодке можно на веревках различной длины привязать несколько досок.

Другая забава родилась еще в средневековую эпоху рыцарства на юге Франции, но сейчас она составляет одно из любимейших развлечений французских рабочих. В прежние времена богатые люди занимались турнирами: выезжали закованные в броню рыцари на тяжелых битюгах и старались вышибить друг друга из седла длинными, в четыре метра, деревянными копьями с тупым концом. Иметь дорогую лошадь, драгоценное рыцарское оружие было не по средствам простому горожанину или ремесленнику, и вот, в подражание рыцарским турнирам, они завели схожую забаву, но состязания эти происходили не на конях, а на лодках.

Навстречу друг другу выезжают две лодки с 4—6 гребцами и рулевым. На носу, на специальном помосте, который очень легко сколотить из досок, стоят бойцы, по одному на каждой лодке. Они вооружены длинным, в 4 метра шестом, на одном конце которого приделана мягкая подушка. Цель игры — сбить противника с носа лодки в воду и защитить себя от встречного удара. Само собою

понятно, что шестом ударять не разрешается, позволено только «колоть»; никакого вреда подушка причинить не может, вся опасность заключается только в том, что победивший кувырнется в воду, откуда он быстро выплывет на свою лодку. Эта забава (французы называют ее «жут») представляет собою в полном смысле слова командное состязание; одного искусства бойцов недостаточно, огромную роль играет рулевой, который направляет лодку так, чтобы бойцу было удобно толкнуть противника; не малую роль играют и гребцы, которые то ускоряют ход лодки, то замедляют его в зависимости от распоряжений рулевого.

Этот вид спорта, чрезвычайно доступный и интересный, мог бы отлично привиться и у нас.

Еще более простое состязание можно устроить, достав несколько деревянных бочек из под любого товара. Можно приделывать к бочке голову и хвост коня, а снизу киль, чтобы придать нашему «морскому коню» большую устойчивость. С руки взять двухлопастное весло, которое легко сделать даже самому из двух кусков доски, соединенных палкой, и... в путь. Но не нужно думать, что это так просто — проскакать на таком коне известное пространство. Конь — норовистый и быстро скинет своего всадника, особенно, если ехать на простой бочке, без килля.

Рис. 2. «Морской конь».

просто руками и ногами. Доски можно заменить и длинными шестами, на которых держаться еще труднее, нежели на досках.

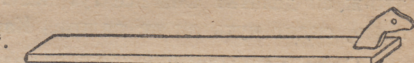

Рис. 3. «Морской конь» из доски.

В области лошадей и наездников упомянем еще одну игру, в которой имеются «кони» и «всадники». Играющие делятся на две команды, в каждой из которых половина играющих изображает лошадей, другая — всадников. Игра происходит в бассейне, в котором вода доходит по грудь играющим, изображающим лошадей, или немного выше. Каждая пара встречается с парой противоположной команды, и всадники начинают друг с другом борьбу; побеждает тот, кто свалил в воду либо одного всадника, либо всадника вместе с лошастью.

Вот вам еще состязание: в одном конце бассейна входят в воду пловцы и должны доплыть до другого конца или, вообще, определенное расстояние. Но доплыть с небольшим условием: каждый пловец имеет легкий «воздушный шарик», какие продаются на улицах всякого города; но шарик должен быть не новый, а старый и надувается он просто воздухом; в таком виде он не летает по воздуху, но и не тонет в воде; перед каждым пловцом кладут на воду шарик, и пловец должен проплыть назначенное расстояние, дует на мяч и двигая его таким образом вперед. Это не легко, так как соседи вызывают волнение, шарик плохо слушается, иногда шары сталкиваются друг с другом и добраться до цели оказывается довольно затруднительно.

Бросок с плеча

Любители футбола в летнее время охотно займутся поведением этой игры в

воде. Игра «ватерполо» или «водяное поло» по существу представляет собою водный футбол, но с некоторыми отличительными правилами, которые мы здесь и опишем.

Прежде всего, площадкой игры является бассейн от 20 до 30 метров длиной и от 15 до 20 метров шириной. Для женщин и детей, а также для начинающих и для неопытных игроков можно эти размеры уменьшить. На этой площадке должны были бы быть проведены следующие линии: средняя поперечная, затем двухметровка, в двух метрах от ворот, и четырехметровая, в четырех метрах от ворот; но так как линий, в точном смысле слова, провести нельзя, то на бортах бассейна делают какие-либо отличительные заметки. Если нет бассейна и игра происходит на открытом участке реки или озера, можно всякие отметки и границы площадки заменить самодельными буйками, т.е. на дно опустить камень, к нему привязать веревку длиной равную глубине воды, а к веревке какой-либо плавающий предмет. Глубина воды желательна не менее 150 сантиметров, но иногда ограничиваются и 100 сантиметрами. Так как игроки во время игры не должны касаться ногами дна, то лучше глубину брать побольше.

Ворота должны плавать на воде и состоять из трех передних брусьев и задней рамы для сетки. Боковые брусья должны иметь 1 метр высоты над водой, поперечный брус 3 метра длины; ширина всех брусьев около 10 сантиметров.

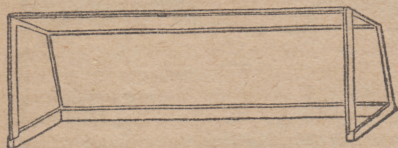

Рис. 4. Ворота для ватерполо.

мыми швами. Игра продолжается два раза по семи минут с перерывом в 3 минуты; для начинающих или более слабых игроков можно назначать другие сроки.

Каждая команда должна иметь отличительного цвета шапочки, иначе судье будет слишком трудно судить и распознавать игроков.

В игре с каждой стороны участвуют семь человек: вратари, три защитника и три нападающих. При начальном свистке все игроки должны находиться на линии своих ворот; судья бросает мяч в середину бассейна и дает свисток; тогда игроки могут плыть к мячу и начать игру. Но было бы неправильно, если бы игрок подплыл к мячу и сейчас же бросил его в ворота противника; правила говорят, что мяч считается попавшим в ворота, если только его, после начала или возобновления игры, коснулись два

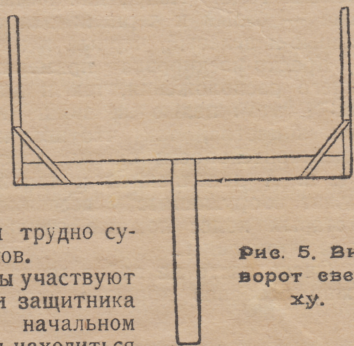

Рис. 5. Вид ворот сверху.

Бросок со спины

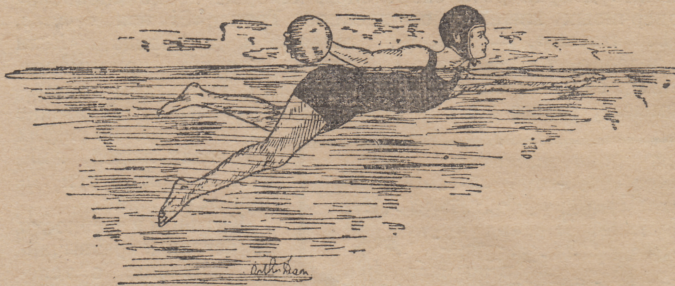
игрока противоположных команд. Не может мяч считаться попавшим и в том случае, если его кинул вратарь противника; в остальных же случаях мяч можно ввести в ворота руками, головой и ногами.

Ошибки бывают двух видов: простые и умышленные.

Простой ошибкой считается: дотрагиваться до мяча обеими руками одновременно (это разрешается только вратарю); держаться во время игры за ворота, борта и другие предметы; касаться дна (это разрешается только вратарю); касаться противника или мешать ему, когда он не держит мяч в руках; удерживать мяч под водой (но проводить его под водой можно); отталкиваться от бортов или от противника; толкать и ударять противника; плыть,

держа мяч в руке; специально вратарю запрещается: удаляться от ворот более чем на четыре метра и бросать мяч при свободном броске далее средней линии.

Умышленной ошибкой считается: начать плыть до сигнала; затягивать игру; держаться менее чем в двух метрах от ворот противника, когда там нет мяча; топить противника, когда он не держит мяч; брызгать в лицо про-

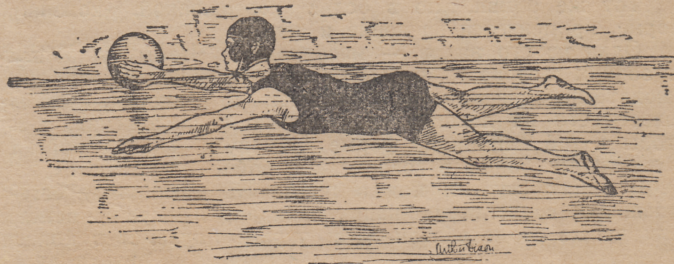
Бросок с руки

тивника; ударять по мячу кулаком; говорить и кричать во время игры и умышленно делать простые ошибки.

За простую ошибку судья дает свободный бросок с того места, где была совершена ошибка, при чем после свистка все должны оставаться на своих местах; перемена места (умышленная) карается, как умышленная ошибка.

За умышленную ошибку судья удаляет игрока из игры, но наказанный игрок, с разрешения судьи, может войти в воду, когда его команде забил мяч в ворота.

Штрафной бросок с любой точки четырехметровой линии дается в том случае, если была сделана ошибка между своими воротами и четырехметровой линией; задер-

Бросок от руки

жать такой бросок имеет право только вратарь. Если мяч был заброшен за свою линию ворот, противник выбивает его с угла, как в футболе.

Руководствуясь этими правилами, всякий футболист сможет играть и в водяное поло. Но чтобы стать хорошим игроком, нужно приобрести технику, а это не так просто. Не имея твердой опоры для ног, игрок с трудом может кинуть мяч метко и далеко, если он не умеет обращаться с ним; затем разрешается держать мяч только одной рукой, другая должна в это время делать плавательные движения и потому приходится прибегать к специальным приемам, которые называются броском с захватом или броском с подхватом.

Рис. 6. Бросок с захватом. мяч надо уметь, с подхватом иногда в сторо-

ну с захватом, иногда назад, подбрасывая его тыльной стороной руки. Нужно уметь «вести» мяч одной рукой или головой в то же время плыва, как можно скорее.

А, прежде всего нужно уметь хорошо плавать, это самое главное.

Г. А. ДОПЕРРОН.

Бросок называется с захватом, когда мяч держится пальцами и придерживается предплечьем.

Бросок называется с подхватом, когда мяч лежит на ладони.

Рис. 7. Бросок от руки. мяч надо уметь, с подхватом иногда в сторо-

ОБМАН НА ВОЙНЕ — МАСКИРОВКА

Спокойствие века обман был одним из вернейших условий успеха на войне. Вспомните хотя бы знаменитого «Троянского коня» — деревянное подобие громадной лошади. Внутри этого коня, как утверждает греческий миф, уместилась добрая рота спартанцев, которые ловко «провели» доверчивых жителей осажденной Трои. «Si non e vero, e ben trovato», — говорит итальянская поговорка. «Если и неверно, то, во всяком случае, хорошо придумано». Иными словами если вся эта история с Троянским конем — вымысел, то все же она доказывает, что мысль об обмане на войне прочно сидела в головах людей, живших за добрые три тысячи лет до нас.

Все эти «ужасы» должны были, по мнению китайских военачальников, обмануть врага, внушив ему мысль о том, что перед ним не простые китайцы, а какие-то сверхъестественные существа, обладающие и сверхъестественными средствами поражения неприятеля.

Тот же обман, но в более совершенной, конечно, форме, применяется на войне и теперь.

Один из его видов — **маскировка**. Чтобы укрыться от зорких глаз врага, чтобы не быть приметным его наблюдателям с земли и с воздуха, и, наконец, чтобы навести его на ложный след нашего расположения, т. е. чтобы в той или иной форме обмануть врага, войска и отдельные бойцы в современной войне маскируются.

В одних случаях можно применять маскировку **естественными средствами**, напр., накидать на пушку ветки, если пушка стоит вблизи леса; укрыть пулемет в копне сена, если пехота расположена на лугу, где негде не сенокос...

Значительно большего искусства требует т. наз. **техническая маскировка**, которая нуждается в специальных средствах. Один из приемов технической маскировки — **краско-маскировка** — окрашивание местных предметов и одежды бойцов под цвет окружающей местности. Напр., представим себе стрелка, лежащего на зеленом лугу и одетого в зеленый халат. Ясно, что такой стрелок будет куда меньше замечен, чем если бы он был одет во все темное. Вот, кстати сказать, причина, почему у нас вся одежда красноармейцев — «защитного цвета», в которой удобнее, как принято говорить, «примениться» ко всякой местности.

Теперь вообразим себе, что на том же зеленом лугу вырыт окоп, а сверху, с неприятельского аэроплана, ясно видна желтоватая полоса свежесделанной земли. Стоит только при помощи особого насоса-распылителя окрасить отрытую землю в зеленый цвет, и даже самый зоркий вражеский летчик не заметит наших окопов. Такова идея краско-маскировки.

В одних случаях производится «защитное» окрашивание в один цвет, подходящий к окружающей местности: на лугу — в зеленый, на пахоти — в темно-коричневый,

на ржаном поле — в желтый, и т. д. В других случаях та же защитность достигается путем окраски предметов пятнами различных цветов и величин. Это так-наз. **камуфляж**. По способу камуфляжа окрашиваются, напр., танки, броневые автомобили, артиллерийские орудия, обоз... Цвета камуфляжа, конечно, в сильной степени зависят от того, какие цвета преобладают на фоне окру-

жающей местности. В этом смысле камуфляж зависит от времени года. Напр., для зимы обычные цвета камуфляжа — белый и черный; для остальных времен года — черный и зеленый, черный и желтый.

Краско-маскировка применяется как для **скрытия** нашего расположения, так и для создания **ложных позиций**. С этой целью на землю накладывается краска различных цветов, так что получаются не существующие в действительности окопы, дороги, пулеметные «гнезда» и т. п. А дополнением к такой «нарисованной» позиции служат сооружаемые у всевозможных обрубков дерева и старых колес ложные орудия, пулеметы, стоящие на земле аэропланы...

Очень часто на войне создаются такие условия, когда нужно особенно хорошее укрытие от неприятельского

наблюдения для отдельных людей, несущих ту или иную специальную службу, напр., наблюдателей, разведчиков и т. п., а между тем на местности нет ничего такого, что способствовало бы такому укрытию. В подобных случаях применяются так-наз. «полевые декорации», главным видом которых являются «скульпто-макеты». Они делаются всегда с таким расчетом, чтобы быть по виду похожими на окружающие предметы: стоги сена, кусты, могилы с крестами, пни. Скульпто-макеты делаются из дерева, картона, толя или из сеток, покрытых окрашенным рогожей. Напр., неприятель ясно видит в районе нашего расположения пень, который трудно отличить чем-бы то ни было от других, окружающих его пней.

А между тем, это — не настоящий пень, а бутафорский, внутри которого сидит наблюдатель и следит, при помощи перископа, за противником.

Или на дороге лежит труп павшей лошади — одеревеневший, с вытянутой в предсмертной судороге ногой, с ясно различаемыми в бинокль выпятившимися ребрами. Но это все только декорации — скульпто-макет, сделанный из подручного материала на каркасе из проволоки; а внутри этой «павшей лошади» удобно устроился другой наш наблюдатель, в отверстие между «ребрами» лошади наблюдающий за окопами врага.

Среди ухищрений маскировки не последнее место занимают и т. наз. «маски-костюмы». Это халаты под цвет окружающей местности — одноцветные или камуфляжные — преимущественно для разведчиков.

Иногда такие костюмы делаются из окрашенной под окружающие цвета особого сорта мочалы.

Нередко на войне применяется и растительная маскировка. С этой целью обнаженную почву дернут или даже обсемяют: пересаживают крупные растения, а в простейших случаях, — как мы упоминали в начале этой очерка, — применяют срезанную растительность, напр., ветки деревьев.

Есть еще одна очень интересная и обширная область маскировки — дымо-пиротехническая маскировка. Она дает дымы при помощи «шашек» особых веществ, образующих при сгорании густой, плотный дым.

Таким способом можно получить многие имитации, имеющие целью «отвести глаза» врагу. Напр., имитируют дым от артиллерийской стрельбы там, где никаких наших пушек нет; устраивают вспышки, изображающие разрывы неприятельских снарядов; создается подобие дыма от несуществующих паровозов, чтобы противник вообразил, что здесь железно-дорожная станция; устраиваются «ложные пожары». Наконец, к числу приемов военной маскировки принадлежит также и такой чисто-театральный прием, как **грим**, служащий для изменения наружности, главным образом — для **тайной разведки**.

Как и вся современная война, способы маскировки чрезвычайно разнообразны. Маскировка технически развивается не по дням, а по часам. И будущая война представляется какой-то гигантской сценой, где декораторам и бутафорам с их искусством изобретательности будет отведено не менее почетное место, чем командирам боевых войск.

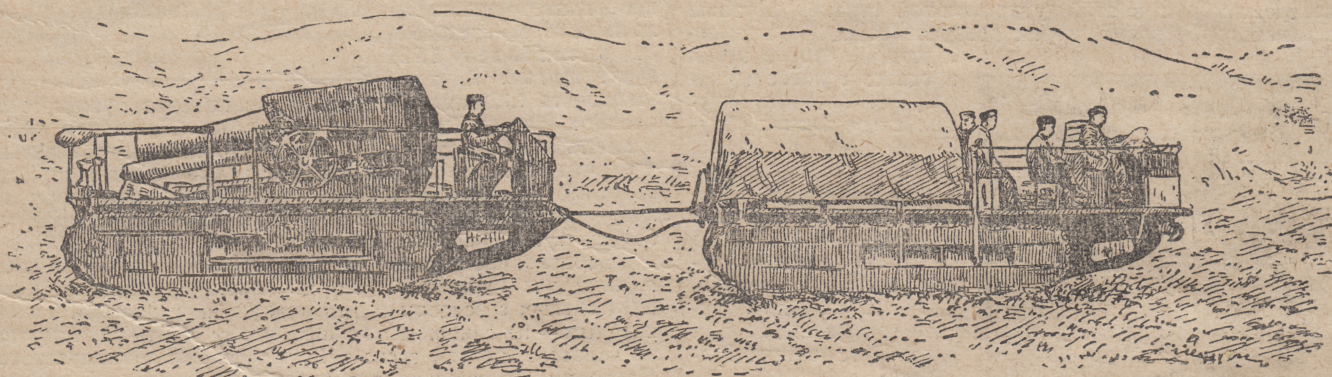
С. Бартенев.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ТЯГА В АРТИЛЛЕРИИ

Англичане, французы и американцы — эти главные блюстители всеобщего мира, несмотря на свои постоянные заверения в миролюбии, принимают все меры к увеличению своей боевой мощи и развитию военной техники.

Одним из главных средств борьбы в современной войне является артиллерия, превосходство каковой у одного из противников в будущей войне может служить решающим моментом. И вот безудержно растут калибры орудий, увеличиваются разрушительные свойства снарядов, их вес, а, следовательно, и вес всего орудия; лошади уже не под силу тащить такого гиганта по бездорожью, да кроме того уход за лошадью дорог и, при развитии химического нападения,

зарядным ящиком или передком, а другой — несет на себе орудие и составляет заднюю часть повозки. Оба автомобиля снабжены только гусеницами, из которых каждая в отдельности приводится в движение электричеством, получаемым по гибкому кабелю от головного автомобиля, снабженного электрической мишаной. Электрическая энергия может подаваться на каждый автомобиль в отдельности, или на оба сразу. Головной автомобиль имеет платформу, на которой помещаются снаряды, принадлежность и оруди́нная прислуга. Там же имеется подъемник, позволяющий быстро выгружать снаряды. Второй автомобиль несет на себе орудие, которое после выстрела откатывается между

увеличивается опасность остаться в критический момент без рабочей силы. На смену лошади приходит механическая тяга, особенно в полевой тяжелой артиллерии, где одновременно с мощностью орудия требуется быстрота и гибкость передвижения.

Наиболее характерным видом таких орудий, применяемых во Франции, Англии и Америке, является мортира калибром в 220 мм, с дальностью полета 15 км и весом снаряда 120 килограммов.

Орудие состоит из двух автомобилей, которые всегда двигаются вместе. Один из автомобилей является как бы

гусеницами. Орудие имеет круговой обстрел в 360°, причем повороты выполняются вручную или же с помощью мотора. Каждый из двух автомобилей с полной нагрузкой весит 40 тонн, но несмотря на это обладает способностью проходить там, где трудно пройти даже легкой артиллерии.

Для перевозки этих орудий приспособлены специальные железнодорожные платформы, при чем орудие может погрузиться или сгрузиться с этих платформ в течение нескольких минут.

ДВУХСОТЛЕТИЕ ГУЛЛИВЕРА

(1727 — 1927).

Ровно два века назад появилось в свет, без обозначения автора, одно из замечательнейших произведений мировой литературы — «Путешествие Гулливера». Кто не читал его? «Не многие литературные произведения, — пишет один из биографов его автора, Джонатана Свифта, — при своем появлении имели такой громадный успех. И еще меньше было таких, которые потомство оценило бы так справедливо».

В глазах современников «Путешествие Гулливера» было в первых своих двух книгах (всех — четыре) политической сатирой на нравы английского двора и на распри тогдашних парламентских партий. В книге третьей Свифт осмеял,

счрезмерной суровостью, увлечение своих сограждан научными фантазиями, а в последней — высказал презрение всечеловечеству, которое для него глупее и порочнее лошадей. Наибольшей популярностью с самого начала и до наших дней пользуются первые две части: путешествие в страну лиллипутов и путешествие к великанам.

Теперь, конечно, для нас мало интересны те придворные и парламентские нравы Англии, ради осмеяния которых был написан «Гулливер». Гениальная форма великого произведения давно переросла его первоначальное содержание, и знаменитые «Путешествия» превратились в эзическую

книгу, которая найдет себе читателей во все века и у всех народов.

Нужно ли пересказывать сюжет этой книги? Английский моряк по имени Гулливер был во время путешествия отнесен ветром к неизвестному острову, который оказался населенным крошечными людьми. Эти «лиллипуты» были в 12 раз ниже обычного человеческого роста, и столь же миниатюрны были все произведения природы, все создания человеческих рук в этой удивительной стране. Прожив здесь некоторое время, моряк возвратился на родину; но

спустя некоторое время спустился в новое плавание, опять потерпел крушение и очутился на другом неизвестном острове, населенном великанами, в 12 раз больше нормальных людей. Он привык к их жизни и научился смотреть на жизнь покинутых им сограждан, как на муравейник. Таково содержание первых книг «Путешествия Гулливера».

Сюжет, как видите, чисто геометрический: описывается, каким представился бы нам окружающий мир, если бы мы сами увеличились (или уменьшились) в 12 раз, либо же, — что то же са-

мое — если бы весь окружающий нас мир изменился соответствующим образом. Почему именно выбрано число 12, понять нетрудно: это — отношение двух употребительнейших английских мер, фута и дюйма. В стране лиллипутов фут заменен дюмом; в стране великанов — наоборот.

Казалось бы, что можно извлечь из такой неблагоприятной темы, напоминающей школьную задачу по математике? Однако, автор «Путешествий» сумел одеть геометрический скелет плотью живого повествования, настолько захватываю-

щего, что совершенно забываешь о геометрической основе сюжета и невольно отдаешься увлекательным грезам рассказчика.

Пушкин, в ответ на некоторые упреки критиков «Евгения Онегина», заметил, что в его романе «время расчислено по календарю». С таким же правом мог бы Свифт сказать о «Гулливере», что все образы его расчислены по правилам геометрии. Поучительно проследить в этом смысле за творческой работой Свифта.

Совершенно несообразным представляется, например, то чудовищное количество пищи, которое потреблял Гулливер в стране лиллипутов. Гулливер был выше лиллипутов всего лишь в 12 раз, а между тем, послушайте, какой пищевой паек ему отпускался: «Триста поваров готовили для меня кушанье. Когда наступал час обеда, я брал в руки 20 человек прислуги и ставил их на стол, а человек сто прислуживало с пола: одни подавали кушанья, остальные приносили боченки с вином и другими напитками. Стоявшие наверху поднимали все это на стол при помощи веревок и блоков... Навевшись, я показал знаками, что мне хочется пить. Лиллипуты подняли на веревках до уровня моего тела бочку вина самого большого размера. Я выпил все одним духом. Подкатили другую бочку. Я осушил ее залпом, как и первую, и попросил еще, — но больше у них не было».

Все это кажется непозволительным преувеличением. Однако, несложное вычисление показывает, что описание вполне правильно. Надо все время иметь в виду, что описание вполне правильно. Надо все время иметь в виду, что лиллипуты были не только в 12 раз ниже нормального роста, но и в 12 раз уже и в 12 раз тоньше. Объем их тела был меньше нормального объема в 1.728 раз ($12 \times 12 \times 12$). Следовательно, для насыщения Гулливеру нужно было пищи столько, сколько ее потребляет 1.728 лиллипутов. А чтобы наготовить 1.728 лиллипутских обедов, конечно, нужны сотни поваров. Не мало лиллипутов нужно было и для того, чтобы втащить такой груз на Гулливеров стол. Неудивительно и то, что Гулливер выпивал залпом целые бочки вина. Ведь вместимость этих бочек была в 1.728 раз меньше нормальной; десятиведерной лиллипутский боченок вмещал не больше 1/3 нашего стакана!

Забавно рассказано у Свифта, как лиллипуты шили одежду для Гулливера. «Ко мне было прикомандировано 300 портных с наказом сшить полную пару платья». Триста портных — не слишком ли много, чтобы сшить один костюм на человека, ростом всего в 12 раз больше лиллипутского? Проверим. Во сколько раз **поверхность** тела Гулливера превышает нормальную? По правилам геометрии, в 12×12 , т.е. в 144 раза. Значит, на костюм Гулливера должно пойти в 144 раза больше сукна, чем на костюм лиллипута, и во столько же раз больше рабочего времени. Если лиллипутский портной может сшить один костюм в два дня, то чтобы в один день сшить 144 костюма (костюм Гулливера) понадобилось бы именно около 300 портных.

Странные вещи читаем в «Путешествиях» о животных страны лиллипутов. «Пятьсот самых больших лошадей было прислано, чтобы отвезти меня в столицу», — рассказывает Гулливер. А о коровах, быках и овцах лиллипутов он сообщает, что, покидая страну, попросту «посадил их в свой карман». Соответствует ли этому масштабу страны лиллипутов? Вполне. Ведь Гулливер был в 1.728 раз тяжелее лиллипута, и перевести его на лошадей было так же трудно, как перевести 1.728 лиллипутов. А лиллипутский бык, весивший, скажем, в 600 лиллипутских килограммов, в наших мерах имел

ничтожный вес в 340 граммов при росте сантиметров в 10. Такого быка незатруднительно спрятать в карман. Вполне правильно рассказывает Гулливер, что у лиллипутов «гуси были величиной с нашего воробья, а мелкие животные — почти невидимы для наших глаз. Я видел, как повар ошипывал жаворонка, величиной с нашу муху; в другой раз молодая девушка при мне вдевала невидимую нитку в невидимую иглу».

Так же безукоризненно рассчитано все во второй книге «Путешествий», где описывается страна великанов. Вот один забавный эпизод, как будто не соответствующий масштабу страны великанов. «Один раз, — повествует Гулливер, — с нами отправился в сад придворный карлик. Улучив удобный момент, когда я, прохаживаясь, очутился под одним из деревьев, он ухватился за ветку и стряхнул ее над моей головой. Град яблок, величиной каждое с хороший боченок, шумно посыпался на землю; одно ударило меня в спину и сбilo с ног». В другой раз «каверзный школьник запустил орехом прямо мне в голову и едва не попал, — а брошен был орех с такою силой, что неминуемо размозил бы мне

череп, так как был лишь немногим меньше нашей небольшой тыквы».

Сильное действие падения этих плодов станет вполне естественным, если мы дадим себе труд подсчитать их вес (это, несомненно, и сделал Свифт). Наше яблоко весит 100 граммов. В стране великанов оно, при 1.728-кратном объеме, должно было бы весить 172.800 граммов или 173 килограмма — вес троих взрослых людей! Орех, весящий у нас 2 грамма, в стране великанов весил бы 3.456 граммов, т.е. 3½ кило: такой увесистый плод, конечно, мог пробить голову Гулливеру.

Так тщательно рассчитаны у Свифта все причудливые образы его фантазии. И если, читая эту бессмертную книгу, вы удивитесь тому, что Гулливер в стране великанов должен был с оружием в руках защищаться от крыс и даже от ос, или что для чтения книг ему пришлось соорудить настоящую лестницу — дайте себе труд выполнить несложное вычисление, и каждый раз вы убедитесь, что автор «Путешествия Гулливера» был не только гениальный художник, но и добросовестный математик.

Я. Перельман.

БЕСКОЛЕСНЫЙ ПОЕЗД

Наш знаменитый соотечественник, К. Э. Циолковский, первый доказал теоретически возможность межпланетных сообщений в аппаратах с реактивными (ракетными) двигателями.

Тот же принцип движения предложен им в самое последнее время и для земных поездов.

Дело в том, что движению по земле оказывают сопротивление трение и воздух, а эти сопротивления могут быть уменьшены в значительно большей степени, чем это предполагалось раньше.

В своем только что вышедшем из печати труде («Сопротивление воздуха и скорый поезд», 1927 г.) Циолковский указывает методы такого уменьшения вредных сопротивлений движению.

Во-первых, говорит он, трение может быть сведено почти к нулю, если поезд будет не катиться на колесах по рельсам, а лететь над ровным бетонным полотном пути; во-вторых, сопротивление среды для весьма быстро движущегося очень длинного тела легче преодолимо, чем для коротких, медленно перемещающихся тел.

Между тем, формулы, по которым рассчитывается это сопротивление, даны как раз для последнего случая.

Циолковский заново выводит их для длинных, быстро перемещающихся предметов и приходит к выводу, что удлинение транспортных средств и ускорение их движения будут весьма выгодны.

По техническим условиям мы еще не можем сконструировать дирижабля или подводной лодки, приближающихся по форме к телу быстроплавающих длинных рыб, но на сухом пути осуществить такой моторный вагон можно. Для скоростей не свыше 100 м. в секунду (360 км. в час) двигатели могут быть аэропланного типа с пропеллерами, но для больших скоростей выгоднее ставить взрывные реактивные двигатели. При них возможно движение со скоростью до 500 м. в секунду (1.800 км. в час), но уже при скорости в 300 м. в сек. (1.080 км. в час) поезда Циолковского в ½ ч. доставят пассажира из Ленинграда в Москву, в 10 час от полюса к экватору и менее, чем в двое суток обегут земной шар по меридиану.

Как же уничтожает изобретатель трение? Как заставляет поезд пролетать над полотном?

Для этого особыми насосами между равным бетонным полотном железной дороги и таким же гладким дном вагона вгоняется воздух под несколько увеличенным против атмосферного давлением.

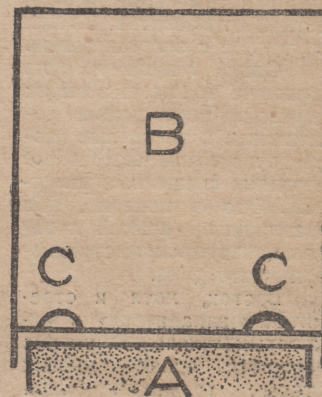
Избыток давления на одну десятую атмосферы уже дает силу, приподнимающую вагон над полотном, равную 1 тонне на 1 кв. м. Это в пять раз более, чем достаточно, чтобы приподнять вагон, уничтожив трение его о путь и направляя движение краями вагона, слегка облегчающим боковые грани пути. Вагон имеет весьма значительную длину в сравнении с другими его размерами и формы рыбы, легко обтекаемую воздухом спереди и сзади.

Уже при современных рекордных скоростях аэропланов поезд Циолковского мог бы делать прыжки на высоту до 350 м., при скорости в 500 м. перелетать через любую гору. Эта возможность устраняет необходимость устройства мостов через реки и пропасти и прорытия туннелей в горных массивах.

Поезд просто будет перепрыгивать через те или иные препятствия.

Неудобство нового вида сообщения, предложенного нашим выдающимся математиком и изобретателем, — невозможность частых остановок между конечными токами пути.

Схема устройства: а — бетонный путь, в — вагон, приподнимаемый воздухом, вгоняемым между ним и полотном пути насосами с и с.

В. Рюмин.

ОДИН ВЕЛОСИПЕД НА ДВОИХ.

(Ответ на задачу в № 14)

Да, они быстрее двигаются. Один проезжает вперед часть пути, оставляет велосипед и идет дальше. Другой дойдет до велосипеда, сядет и догонит первого. История в дальнейшем повторяется. Их скорость можно даже вычислить. Если скорость ходьбы относится к скорости езды как: $g:f$, тогда скорость ходьбы относится к настоящей скорости w (двух

людей и одного велосипеда) как $\frac{f+g}{2f}$. Значит $\frac{g}{w} = \frac{f+g}{2f}$

или $w = \frac{2fg}{f+g}$; напр., если $g=6$ и $f=30$ километров в час, тогда оба человека в час продвигаются на 10 км. вместо 6 км. пешком.

Конечно, для точности уравнения предполагается ровная дорога, одинаковая скорость в езде и ходьбе и сохранность велосипеда за то время, когда он лежит без призора на дороге.

СВЯЩЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ.

Трудно вообще провести разграничительную линию между религией и суеверием, в частности же ответить на вопрос, почему считают священными некоторых животных. Многие из них обязаны славой своей наружностью. Лев, слон, орёл и павлин удостоились почитания именно по своим внешним данным. Равным образом животное часто связывалось с каким-либо благоприятным для человека явлением природы и потому обожествлялось. Так, например, священный ибис в Египте с незапамятных времен был связан в глазах жителей с ежегодным разливом Нила и орошением им всех окрестностей.

В Лондонском зоологическом саду можно встретить другое священное животное, знаменитого белого слона. Он был с почетом доставлен из Сиам в Лондон, помещен в Риджент-парке, где его сторожили день и ночь, никому не позволяя на нем ездить. Поимка белого слона до недавнего времени была сопряжена с целым рядом торжественных церемоний. Открывший это священное животное счастливцем, будь он самым последним из жителей Сиам, разом получал достоинство принца, вознаграждался большой денежной суммой и был свободен от всяких налогов до конца своей жизни. Канаты, которые употреблялись для обычных слонов, заменялись особыми веревками из красного шелка. Ухаживали за ним принцы и мандарины. Огромный, украшенный перьями веер держали особые чиновные люди, чтобы отгонять от массивного создания всевозможных насекомых, а на ночь его покрывали вышитой шелком сеткой от moskitov. Кушал он только с золотых блюд.

Овцу, голубя и орла можно часто видеть в наших церквях. Европейские гостиницы и постоялые дворы точно также часто носят названия священных животных. Это и понятно, ибо гостиница — прямой потомок монастырского странноприимного дома.

Восток, хотя и стремится «озападиться» в некоторых отношениях, упорно держится, однако, многих старых традиций. Слон в Индии ведет себя с достоинством, соответствующим оказываемым ему почестям; он обожествлен во множестве храмов в лице Ганеша, милосердного слона-бога мудрости, счастья и долголетия. С другой стороны, священные быки и обезьяны являются в Индии сущим наказанием.

Бык браминов, уверенный в своей безнаказанности, позволяет себе разные вольности на рынке. Этим быков можно видеть шествующими по узким улицам, переполненным народом; они суют по пути свой влажный нос в корзины с зерном и овощами, совершенно не боясь отпора. Они становятся дерзкими и не стесняются забодать и повергнуть на землю всякого, кто станет ему поперек дороги. Вмешиваться в такое самоуправство быка не смеет никто и европейцу скорее просят убийство десяти туземцев, чем одного священного быка.

Избалованные обезьяны одно время не только усердно занимались порчей цветов и растрепыванием одежды богомольцев, но перенесли поле своей деятельности и на сосед-

ние улицы, где ни один верующий не осмеливался защищать свою лавку от их вторжения или свой тюрбан, который они стаскивали с его головы. Наконец, правительство распорядилось значительную часть этих испорченных забияк поместить в особый парк, где их любовь ко всяким забавным приключениям могла найти более уместное применение.

В древнем Египте священная обезьяна «бабун» пользовалась такими почестями, которые едва ли воздавались какому-либо другому животному. Одно время его чтили в качестве профессионального боксера, собирателя фруктов и цепного пса, но в конце концов его откомандировали к Тоту, писцу богов. На древних монументах эти бабуны изображены взвешивающими души умерших. Тысячаны находят мумии этих животных в Фивах, в прямом положении, с руками на коленях. В древнем Египте бабун имел такое

высокое значение, что цари, жрецы и придворные в особо торжественных случаях подвешивали себе его хвост.

Священным животным является и крокодил в Индии и на о. Цейлон, где индусы сумели сделать его полудомашним животным. Одно из самых известных болот для священных крокодилов находится в оазисе к северо-востоку от Карачи. Болото покрыто множеством островков, на которые вылезает и греется на солнце крокодилы. Живущие в соседних храмах туземцы раскрашивают красной краской их головы и особенно почитают самого большого крокодила, чудовище более двух саженей, которое приветствуют всякий раз, когда оно высушится из воды.

Богиней — защитницей считалась и египетская кобра, но воздаваемые этой змее почести совершенно не могут идти в сравнение с тем огромным почетом, которым пользовался священный жук, изображения которого мы находим всюду: в гробницах, драгоценностях и царских печатях. Как всем известно, этот жук кладет свои яйца в навозные шарики, которые он скатывает передними ножками, а потом закапывает в землю. Этот шарик и был сочтен за эмблему земли и вечной жизни.

Богомол — лицемерное насекомое. Своё название он получил от благочестивой позы, которую он принимает, ожидая приближения к нему какого-нибудь

маленького насекомого, которое служит ему пищей. Во многих частях света богомолу приписываются сверхъестественные силы. Его считают священным в Италии и на юге Франции; убить богомола или повредить ему, значит навредить на свою голову несчастью. Арабы думают, что голова этого насекомого всегда обращена в сторону Мекки.

Да и в лютеранской Голландии почит, которым всюду окружен здесь аист, явно напоминает нам обожествление животных. Первоначально это почитание аиста связано было, конечно, с истреблением им вредных для хозяйства животных, но когда последние исчезли, завоеванная аистом добрая слава за ним осталась.

Наш рисунок показывает богомола в $\frac{1}{4}$ его натуральной величины и в трех различных позах: сначала он выслеживает свою добычу, затем хватается ее, чтобы пожрать и, наконец, снова становится «богомолом» в ожидании новой добычи.

РАСПРОДАЖА КНИГ

Книжн. маг. А. С. СЕПАНОВА
Ленинград, пр. Володарского, № 31.
(Выдержки из нашего каталога).

СПОРТ—ОХОТА.

ЗАРОВНЯЕВ. Охотник рыболова любителя 50 к. **БЕРГ.** Рыбы пресных вод 2 р. **СЕЛИВАНОВ.** Плетение рыболовных сетей 60 к. **ПЕТРОВ.** Рыбная ловля всех видов во все времена года 1 р. 25 к. Как самому сделать байдарку 35 к. Ружье начинающего охотника 45 к. **РОХМАНОВ и КАРЦЕЛЛИ.** Спутник трудого охотника 1 р. **ТЕВЯШЕВ.** Будь метким стрелком 15 к. **МЮЛЛЕР.** Моя система 60 к. **БАКАТЕЙНИКОВ.** Путь к здоровью и силе 50 к.

ПУТЕШЕСТВИЕ И ДРУГИЕ.

МИКЕЛЬСЕН. По следам жертв ледяной пустыни 1 р. 25 к. **СВЕН-ГЕДИН.** Путешествие по Азии 1 р. 25 к. **МАКГОВАН.** Китайцы у себя дома 1 р. **РАЗИН.** Приключение Александра Селькирка на необитаемом острове 75 к. **ГОЛЬДИНГ.** Остров убежища. Приключение юных путешественников на Флоридском берегу 2 р. **ВОРИСТГОФЕР.** Корабль натуралист 2 р. 50 к. **СВИРСКИЙ.** Рыбак. Приключение бродяги 1 р. 25 к. **КУПЕР, Ф.** Следопыт 1 р. **Зверобой 1 р. Ж. ВЕРН.** Вокруг света в восемьдесят дней 2 р. **Его же.** Все вверх дном. Необыкновенное путешествие 2 руб. Путешествие вокруг луны 2 р. Приключение трех русских и трех англичан 2 р. Приключение Капитана Гаттераса 1 р. 60 к. **ВИТКОВСКАЯ.** Крутом земли 3 р. **ГЕРШТЕКЕР.** Вселенная 3 р. **ДЕФО, Д.** Робинзон Крузо 2 р. **АМУНДСЕН и ЭЛЬСВОРТ.** Перелет через ледовитый океан 2 р. 50 к. **БОБИН.** По Южной Америке 1 р. **МАРКОВ.** Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и истории 5 р. То же очерки Крыма 5 р. **ПУТЕВОДИТЕЛЬ по МОСКВЕ** и ее художественным и просветительным учреждениям 17 г. 2 р. **УМНОВ.** Наблюдения юного натуралиста 1 р. **ИГНАТЬЕВ.** Определитель весенних растений 75 к.

СИМОНОВ, Л. Н. Главнейшие съедобные и вредные грибы с 50 рис. в красках, писанных с натуры. Е. Бем. Ботаническая часть, редактирована А. Н. Бекетовым 1 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по ЛЕНИНГРАДУ с новым планом г. Ленинграда 65 к.

РАЗНЫЕ.

ПЕРЕЛЬМАН. Занимательная физика, парадоксы головоломки, задачи, опыты, замысловатые вопросы и рассказы из области физики 2 тома 345 стр. 295 рис. 2 р.

ФОТОГРАФИЯ.

ЕВДОКИМОВ. Экспозиция и проявление. Как получить хороший негатив 80 к. Фотоувеличение 65 к. **Фоторетушь** 50 к. **ФОГЕЛЬ.** Карманный справочник по фотографии 1 р. 75 к. **ЛАУБЕРТ.** Фотографические рецепты 1 р. 60 к.

Вышла из печати книга инж. **ФЕНТЕКЛУОЗА.** Ветро-двигатели для мельниц, водокатачек, станков и электростанций. 176 стр. с 124-мя рисунками 2 р. 50 к.

Цены без пересылки. Стоимость пересылки одной книги—30 к., двух—32 к., трех—35 к. и т. д.

ТРЕБУЙТЕ каталог № 6. ВЫСЛАЮ БЕСПЛАТНО.

В СЕНТЯБРЕ 1927 г.
НАЧНЕТ ВЫХОДИТЬ

THE RED NEWSPAPER

1000
СЛОВ
английских
*

Это издание является естественным продолжением для тех, кто уже усвоил „1000 слов английских“.

1000 СЛОВ
английских

2-ое исправленное
и дополненное
издание.

Настоящий самоучитель построен на основах живой английской речи, которая по своей легкой форме и занятому содержанию дает возможность каждому пройти весь курс в 6 месяцев и тем самым подготовить себя также к чтению английской книги или газеты.

2 р. 50 к.

ЦЕНА ВСЕЙ КНИГИ ИЗ 15 ВЫПУСКОВ

2 р. 50 к.

Заказы направлять: Ленинград, Фонтанка, 57. „Красная Газета“.

НОВЫЕ ПОСОВИЯ:

В. ДИНЗЕ. «Английский язык на дому». Ч. I. Ц. 1 р. 50 к. (с перес.).
ОН-ЖЕ. Начальные основы английского произношения Ц. 40 к.

БЕРМАН. Вы говорите по английски? Вып. I и II. Цена выпуска 50 к.
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ.
Лгр., Пр. Володарского, 40. Изд-во „Академия“.

ВЫХОДИТ!

ПЕРВЫЙ ВСЮДУ, ЛУЧШИЙ В МИРЕ!
У ЛЮБОГО ЕСТЬ В КВАРТИРЕ!
ШКОЛОЙ МОЖЕТ БЫТЬ В САТИРЕ!
КТО ЕЩЕ СПОСОБЕН ТАК?
А ЦЕНА ВСЕГО ПЯТАК!!!

Самый дешевый и самый веселый в СССР журнал полезного смеха и приятного отдыха.

№

5 коп.

УЧАСТВУЮТ:

А. д'Актиль, Влад. Воинов,
Мих. Зощенко, В. Князев,

М. Коварский, Игн. Ломакин, К. Мазовский, А. Нератов,
В. Тоболяков, Дм. Цензор и лучшие художники-карикатуристы.

№

5 коп.

Подписка принимается:
ЛЕНИНГРАД,
Фонтанка, д. 57.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

УЗНАВАЙТЕ
* погоду *

Гигрометр „БАРОМЮР“

Прибор для предсказания погоды, погоды с вечным календарем. НЕОБХОДИМ ВСЕМ. Выдается немедленно по получ. 1 р. (можно марк.). Налож. плат. — 1 р. 20 к. Оптовикам скидка. Адрес: Москва, 312, почт. ящ. № 1163, произв. „Баромюр“

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ
НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устарелым методам. Наилучшим признанным новейшим методом МЕРТНЕРА, избавляющим от необходимости заучивания слов и правил. Самоучитель в 10 выпусках выслается за 2 р. 85 к.

Москва, улица Герцена, д. 9/17.
„Русско-Иностранная Книга“.

ВТОРОЙ РОЗЫГРЫШ ПРЕМИЙ ИЮЛЬСКИЙ

КОМУ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ В ПЕРВОМ РОЗЫГРЫШЕ?

1 Радио-
аппарат

1 Фотограф.
аппарат

2 Велосипеда

5 Самопишу-
щих перьев

М. КАСЬЯН (Звенигородка)

6 Пар буц

6 Футбольн.
мячей

15 Рыболовн.
наборов

30 Перочин-
ных ножей

РЕЗУЛЬТАТ ВТОРОГО РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ ЖУРНАЛА „ВОКРУГ СВЕТА“

8-го августа Издательством „Красной Газеты“ был произведен второй розыгрыш премий журнала „Вокруг Света.“

Премии пали на следующие номера билетов:

1 радио-аппарат:
4659	503 7490 5683 875 3051 3152	6 пар буц:	5958 5984 6044 6000 1504
1 фотографический аппарат:
2429	5103 5016 2622 3629 3742 1383	6 футбольных мячей:	2880 2456 5006 5697 2574
2 велосипеда:
668 1637	15 рыболовных наборов (или фуфак):	5150 3091 3579 4335 3765	4860 2111 1464 887 5906
5 самопишущих перьев:
1432 3209 1006 7683 6653	5429 2203 1135 7499 1216	2858 7099 5399 3580 6805	2645 7434 5615 371 1003
	6047 2130 1508 4353 5859		
	1763 6375 7395 4238 2717		

В изменение условий первого розыгрыша, все выигрыши будут
высланы издательством за свой счет, за исключением велосипедов,
радио и фотографического аппарата.